

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА

Н. Н. ЧЕБОКСАРОВ

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КИТАЙЦЕВ

1. Постановка проблемы и материал

«Состав населения Срединного царства представляется крайне смешанным: в него вошли племена индо-китайские, тибетские, тюркские, а также арийцы, к которым причисляются выходцы из долины р. Тарима, первые колонизаторы Китая. Ни многовековая совместная жизнь, ни общая культура не могли совершенно сгладить и уничтожить отличительные расовые черты. Они сохранились по настоящее время и сказываются не только в различиях говоров, но и в самой наружности жителей. Не обращая внимания на существующие различия, постараемся описать средний преобладающий тип китайца; мы увидим тогда, что большинство жителей Небесной Империи имеют хорошее, соразмерное сложение, круглую голову с сильно выдающимися скулами, с косо лежащими черными маленькими глазами и небольшим вдавленным широким носом, с довольно толстыми губами; их черные, жесткие, лоснящиеся волосы заплетены в косы, борода очень редкая и небольшая, цвет кожи болезненно белый с желтоватым оттенком»¹.

Откуда эта, так странно звучащая в наши дни цитата, в которой наряду с реальными антропологическими особенностями китайцам приписываются «лоснящиеся волосы» или «болезненно белая кожа», а первыми насельниками «Срединного царства» считаются без всяких сомнений пришедшие с запада «арийцы»? Такими словами характеризовал физический тип и этнический состав населения Китая некто Т. А. Лебединский, автор вышедшего в 1901 г. «Историко-этнографического очерка» под заглавием «Китай».

Что же заставило нас в 1947 г. вспомнить эти наивные и устарелые рассуждения? Да то, что и в настоящее время этническая антропология Китая не слишком далеко ушла вперед от того уровня, на котором она находилась в начале XX в., когда Лебединский писал свой очерк. Несмотря на довольно многочисленные работы по антропологии Китая, в нашем распоряжении сейчас нет вполне удовлетворяющего нас серьезного научного труда по этому вопросу. Зато в зарубежной популярной и специальной литературе появилось в последние годы немало спекулятивных теорий расо- и этногенеза китайцев, в которых антропологические данные используются для обоснования антинаучных расистских построений, искажающих действительность и вводящих в заблуждение читателя.

Так, например, еще в 1924 г. французский антрополог и этнолог Лежандр выступил со статьей под сенсационным заголовком: «Не существует желтой расы». Позднее Лежандр развил и дополнил свои по-

¹ Т. А. Лебединский, Китай, историко-этнографический очерк. М., 1901, стр. 42—43.

строения, изложив их в нескольких работах и, наконец, выступив с соответствующим докладом на III Международном антропологическом конгрессе в Амстердаме (1928). По мнению Лежандра, желтая раса представляет собой продукт длительной метисации между «белыми» и «черными». «Монголоидность» китайцев — предрассудок, основанный на недостаточности наших антропологических знаний. В действительности, в Китае существуют только два расовых типа — «арийский» и негроидный. «После 25 лет разнообразных исследований,— пишет Лежандр,— я пришел к заключению, что первоначально, в течение долгих веков, Китай был не чем иным, как колонией белой расы, пришедшей с запада и северо-запада путем последовательных миграций. Победенные и поработанные автохтоны были не чем иным, как современными негроидами, именно негритосами»².

В статьях Лежандра мы напрасно стали бы искать серьезного научного обоснования этих далеко идущих «выводов», политическая цель которых совершенно очевидна: подвести «историческую базу» под колониальную эксплуатацию и порабощение Китая державами «белой расы». У Лежандра нет цифровых материалов, нет таблиц, нет даже удовлетворительных фотографий. Все основано на расплывчатых, но категорических по тону, описаниях, личных впечатлениях и свидетельствах «авторитетных лиц» из числа миссионеров и китайских чиновников. Неподготовленного читателя безапелляционные заключения Лежандра могут привести к убеждению о полном соответствии антропологических данных реакционной расистской концепции китайского этногенеза.

Не случайно теория Лежандра была подхвачена гитлеровцем Гансом Гюнтером, который одну из глав своей книги «Северная раса у индогерманцев Азии» специально посвятил «северному влиянию» (*nordische Einschlag*) в Восточной Азии. Малейшее уклонение от стандартного типа «желтой расы» Гюнтер считает неопровержимым доказательством присутствия у восточноазиатских народов «северной крови». К числу нордийских «расовых» особенностей относится даже обычай белить лицо у знатных манчжурских и китайских девушек³. Книга Гюнтера, представляющая собой открытый призыв к фашистской агрессии в Азии, конечно, ничего общего с наукой не имеет. Однако слабая антропологическая изученность Китая и соседних с ним стран дает возможность Лежандру, Гюнтеру и им подобным строить на дальневосточных материалах (пользуясь их фрагментарностью) реакционнейшие гипотезы, претендующие на объяснение с позиций расизма всех сложных и многообразных процессов формирования народов Восточной Азии.

С еще большим правом это относится к книге Эйкштедта «Расовая динамика Восточной Азии», вышедшей в Берлине в 1944 г., накануне разгрома гитлеровской Германии. Под руководством Эйкштедта в 1937—1939 гг. в различных странах Дальнего Востока (Южный Китай, Индо-Китай, Таи, Бирма, Суматра, Ява) были проведены антропологические работы, охватившие значительное количество крупных и мелких этнических групп. Фактические результаты этих работ опубликованы очень неполно и только по некоторым измерительным признакам. Зато «выводы» Эйкштедта претендуют на мировое, общенсторическое значение и далеко оставляют позади, по своей расистской, остро политической направленности, самые крайние рассуждения Лежандра или даже Гюнтера.

² A. F. Legendre, Il n'y a pas de race jaune, Bull. d. l. Soc. d'Etudes d. Formes Humaines, II, 1924, pp. 173—203; он же, Les races de l'Extrême Orient, «Rév. Anthropol.», XXXV, 1925, pp. 101—119; он же, Il n'y a pas de race jaune, Inst. Internat. d'Anthropol., III Sess. (Amsterdam), 1928, pp. 248—254.

³ H. Günther, Die nordische Rasse bei den Indo-Germanen Asiens, Münch., 1934, S. 195—198.

Основным содержанием мировой истории по Эйкштедту является «становление, благодаря борьбе за существование и отбору, северных форм все более и более сильными, выносливыми и умными, их развитие к специфически человеческому, к прогрессивным формам. Примитивные типы при этом оттесняются в леса, на острова, в неблагоприятные районы, в болота и в горы, короче в специфические «области отступления» (Rückzugsgebiete) и прежде всего на юг». Процессы эти разворачиваются повсеместно; они красной нитью проходят через всю историю Восточной Азии и, в частности, Китая. Сами китайцы, как этническое целое, в массе относятся к особой «синидной» расе, которая не только морфологически, но и психологически резко отличается от «рас европейского круга».

В пределах синидной расы Эйкштедт выделяет три подрасы: северную, среднюю и южную, которые также отличаются друг от друга целым комплексом физических и психических черт. Оказывается, например, что «северные синиды» наиболее «добропорядочны» (bieder), «медлительны» (langsam), «великодушны» (grossmütig), «воинственны» (kriegerisch) и даже «консервативны» (konservativ). «Южные синиды», напротив, более «живые» (lebhaft), «веселые» (fröhlich), но «нерешительны» (wankelmütig) и «тщеславны» (eitel). «Средние синиды» и морфологически и психически занимают промежуточное положение между северными и южными; среди характерных для них расовых «особенностей» фигурирует, между прочим, «либерализм». Психические черты у народов Восточной Азии, по Эйкштедту, обнаруживают те же последовательные географические вариации, как и физические признаки: в направлении с севера на юг ослабевают «прогрессивные» и нарастают «примитивные» особенности. Таким образом, если принять основные положения Эйкштедта, то все многовековое развитие китайского народа и китайской культуры представится как борьба между «прогрессивными» энергичными северными формами и «примитивными» элементами Юга, постепенно оттесняемыми в малодоступные горные области. Аналогичные закономерности исторического процесса распространяются и на Восточную Азию в целом: наиболее «прогрессивными» расовыми типами здесь оказываются северные соседи китайцев «тунгиды» — исключительно крепкие, выносливые и настойчивые, наиболее «примитивными» — южные «палеомонголиды» и «веддиды», культурно остальные племена Индо-Китая, Бирмы и Таи, для которых якобы характерны такие психические «расовые» особенности, как «вспышки безграничной ненависти» (masslosen Hasses) и «бессмысленной жестокости» (sinnloser Grausamkeit) ⁴.

Книга Эйкштедта богато иллюстрирована, оснащена многочисленными ссылками, библиографическими указателями и другими атрибутами солидной научной монографии. Самый объем этого произведения (648 стр.!) свидетельствует как будто бы в пользу его серьезности и основательности. Все эти внешние особенности, однако, только вуалируют поразительное убожество внутреннего содержания книги, исторической методологии и конечных выводов автора, которые проникнуты, как мы видели, самой грубой биологизацией истории и в научном отношении находятся на уровне расистских рассуждений графа Гобино или Ваше-де-Ляпужа.

Очевидно, советская историческая наука не может пройти мимо тех больших проблем расо- и этногонии Восточной Азии, которые в столь извращенном и тенденциозном виде освещались Лежандром, Гюнтером, Эйкштедтом и другими расистами старого и нового времени. В борьбе с расизмом — идеологическим остатком разгромленного фашизма, — как

⁴ E. Eickstedt, Rassendynamik von Ostasien, Berl., 1944, S. 24, 182—185.

и вообще с реакционными тенденциями в исторической науке, — конкретным работам по этнической антропологии крупнейших стран мира (в частности Китая) должно принадлежать не последнее место. Лучшей критикой псевдонаучных построений Гюнтера или Эйкштедта будет объективное освещение кардинальных проблем расо- и этногенеза дальневосточных народов на основе фактических антропологических материалов и их сопоставления с данными археологии, этнографии, лингвистики, исторической географии и других смежных дисциплин. Конечно, критические задачи работ такого рода не отделимы от задач положительных. Вопросы формирования и дальнейшей истории расовых компонентов и этнических групп населения Китая сами по себе представляют огромный научный интерес. Для советских историков, этнографов и антропологов, особенно занимающихся изучением физического типа и культуры дальневосточных народностей СССР, интерес этот вдвойне значителен. Главные цели предлагаемой работы и состоят в том, чтобы заполнить пробел в наших знаниях по этнической антропологии Китая, показать, каким образом конкретные антропологические материалы могут быть использованы для освещения проблемы происхождения китайцев, и дать в руки советских ученых острое и действенное оружие в борьбе с реакционными расистскими концепциями расо- и этногенеза народов Восточной Азии. Таким образом, наше исследование является историческим по своим конечным целям, но построенным на антропологических данных (взятых в связи с данными других исторических и географических наук).

В основу статьи положены материалы по студентам университета им. Сунь Ят-сэна, собранные под руководством А. И. Ярхо в 1925—1926 гг. и обработанные мною⁵. По территориальному признаку все обследованные были разделены на три группы: уроженцев Северного (I), Среднего (II) и Южного (III) Китая. К первой группе отнесены лица, происходящие из провинций Ганьсу, Шэньси, Хэнань, Шаньси, Хэбэй (Чжили) и Шаньдун; ко второй группе — из провинций Сычуань, Гуйчжоу, Хубэй, Хунань, Аньхой, Цзянсу, Цзянси и Чжэцзян, к третьей группе — из провинций Юньнань, Гуанси, Гуандун и Фуцзянь (табл. 1). Отметим очень невысокий средний возраст наших студентов; его следует учитывать при сопоставлениях наших данных с другими, собранными по той же методике, но в группах, имеющих обычный возрастной состав. Момент этот, конечно, не имеет значения при сравнениях друг с другом географических подгрупп внутри описываемого материала.

2. Расовый анализ

Место, занимаемое антропологическими типами, преобладающими среди китайцев, в системе больших рас человечества определяется без особого труда. Подавляющее большинство студентов-суньятсэновцев, обследованных А. И. Ярхо, обладало в резко выраженной форме такими особенностями, как тугие прямые волосы, очень слабо развитая борода, желтоватая кожа, карие глаза, длинное плоское лицо, эпикантус, низкое переносье, высокая, прохейличная верхняя губа. Как известно, все эти признаки характерны для монголоидной или собственно азиатской большой расы, выделенной еще Линнеем и под тем или иным наименованием фигурирующей почти во всех позднейших расовых классификациях (см., напр., у Бунака или Рогинского)⁶.

⁵ Н. Н. Чебоксаров, Физический тип китайцев различных социальных групп, «Антр. журн.», 1935, № 1, стр. 75—104.

⁶ С. Linné, *Systema naturae* 10 ed., Holm. 1758—1759, p. 20; В. В. Бунак, Расы. Больш. мед. энци., т. 28, 1934, стр. 342—352; Я. Я. Рогинский, Человеческие расы — в кн. «Антропология (краткий курс)», под ред. проф. В. В. Бунака, М., 1941, стр. 288—303.

Признаки	Географические группы			
	С. Северный Китай	Ср. Средний Китай	Ю. Южный Китай	
Число исследованных	93	230	139	
Средний возраст	22,8	23,1	23,3	
Рост, см	165,02	163,64	163,62	
Цвет кожи, <i>M</i> (0—IV)	1,06	1,21	1,49	
Цвет волос, средний №	1,18	1,08	1,09	
Цвет глаз, средний №	2,11	2,00	2,03	
Форма волос, <i>M</i> (1—4)	1,19	1,23	1,31	
Рост бороды, <i>M</i> (1—5)	1,08	1,19	1,25	
Продольный диаметр головы, мм	188,51	187,91	187,19	
Поперечный диаметр головы, мм	150,47	152,81	152,30	
Головной указатель	79,37	81,33	81,75	
Высотный диаметр головы, мм	132,83	132,65	128,06	
Высотно-продольный указатель	70,97	70,80	68,50	
Наименьшая ширина лба, мм	106,45	106,81	106,12	
Наклон лба, <i>M</i> (1—3)	2,71	2,66	2,57	
Развитие надбровья, <i>M</i> (1—3)	1,39	1,45	1,64	
Форма лица: процент округлых и квадратных	4,4	6,4	13,4	
Горизонтальная профилировка лица, <i>M</i> (1—3)	1,42	1,30	1,38	
Вертикальная профилировка лица, <i>M</i> (1—3) .	1,23	1,30	1,64	
Высота лица физиономическая, мм	187,07	185,66	184,76	
Высота лица морфологическая, мм (1—3)	130,33	128,53	128,17	
Скуловая ширина, мм	140,17	141,61	140,35	
Лицевой указатель физиономический	74,75	76,36	76,12	
Лицевой указатель морфологический	93,28	90,95	91,40	
Нижнечелюстная ширина, мм	105,88	106,72	106,33	
Складка верхнего века {	<i>P</i> (0—3)	1,48	1,28	1,12
	<i>M</i> (0—3)	1,52	1,31	1,15
	<i>D</i> (0—3)	0,94	0,95	0,75
Эпикантус, <i>M</i> (0—3)	1,79	1,70	1,63	
Длина носа, мм	61,69	60,82	59,68	
Ширина носа, мм	36,58	37,22	37,70	
Носовой указатель	60,10	61,51	63,98	
Высота переносья, <i>M</i> (1—3)	1,39	1,34	1,27	
Поперечный профиль спинки носа, <i>M</i> (1—3) .	1,44	1,40	1,30	
Профиль костной части спинки носа, <i>M</i> (1—3)	2,48	2,49	2,40	
Профиль хрящевой части спинки носа, <i>M</i> (1—3)	1,90	1,84	1,61	
Профиль спинки носа (общий), процент во- гнутых	10,2	12,5	30,6	
Положение кончика носа, <i>M</i> (1—3)	1,98	1,91	1,75	
Положение основания носа, <i>M</i> (1—3)	1,91	1,83	1,65	
Форма носовых отверстий, процент овальных	85,5	82,1	69,4	
Наклон осей носовых отверстий, <i>M</i> (1—3) . . .	1,98	1,69	1,58	
Высота крыльев носа, <i>M</i> (1—3)	1,90	1,87	1,86	
Выраженность крыльевых борозд, <i>M</i> (1—3) .	1,83	1,81	1,87	
Слияние носовой и носогубной борозд, <i>M</i> (1—3)	1,27	1,38	1,47	
Высота верхней губы, <i>M</i> (1—3)	2,18	2,16	2,31	
Выступание верхней губы, <i>M</i>	1,27	1,19	1,07	
Толщина губ, <i>M</i> (1—4)	2,51	2,52	2,66	

Однако «монголоидность» большинства китайцев вовсе не снимает вопроса о наличии среди них значительной географической неоднородности, захватывающей сплошь и рядом разграничительные расовые признаки первостепенной таксономической ценности. Уже простое сопоставление суммарных антропологических характеристик территориальных групп вскрывает глубокую расовую гетерогенность китайского народа. Просматривая табл. 1, можно убедиться в существовании определенной закономерности в групповых географических вариациях ряда решающих расодиагностических признаков первого порядка. Закономерность эта выражается в локализации крайних вариантов на севере и юге

Китая и в промежуточном положении центральной группы. Так при переходе от Северного Китая через Центральный к Южному: 1) цвет кожи становится темнее, 2) количество мягких и волнистых волос увеличивается, 3) рост бороды делается интенсивней, 4) вертикальная профилировка лица увеличивается, 5) развитие лица в высоту уменьшается, 6) выраженность эпикантуса и складки верхнего века снижается, 7) нос становится короче и шире, 8) переносье и поперечный профиль спинки носа уплощаются, 9) количество овальных ноздрей падает, 10) наклон осей носовых отверстий уменьшается, 11) верхняя губа делается более прохейличной, 12) толщина губ возрастает.

При общей для всех территориальных серий монголоидности, межгрупповые вариации основных расовых особенностей первого порядка направлены по линии смягчения монголоидных черт в северо-южном направлении. Нетрудно заметить, что направление различий между северными и южными китайцами полностью совпадает с наблюдаемым при сопоставлении монголоидов в целом с тем обширным кругом расовых комплексов Южной Азии, Океании и Австралии, который соответствует «австралоидам» Гексли, «океанийской группе рас» Биасутти, «аустральному элементарному виду» (*H. sapiens australis*) Джуффрида-Руджери или «индонезийской австралоидной расе» Бунака⁷. Представители этого круга форм в Южной и Юго-Восточной Азии отвечают «индонезийцам» Деникера, *Homo sapiens indonesianus et veddalis* Грегори, «незютам» и отчасти «предравидам» Геддона и «веддо-индонезийской» расе второго порядка классификации Ярхо⁸. Однако простой примесью веддо-индонезийских элементов к однородной монголоидной основе нельзя объяснить всего своеобразия межгрупповой изменчивости расодиагностических особенностей у китайцев. Показательным в этом отношении является анализ географических вариаций некоторых разграничительных признаков второго порядка. Для многих из них характерна та же последовательность изменчивости, что и для первичных расовых особенностей. Так, в северо-южном направлении: 1) продольный диаметр головы уменьшается, а головной указатель соответственно возрастает, 2) высотные диаметр и указатель уменьшаются, 3) средний наклон лба становится больше, 4) выраженность надбровья возрастает, 5) количество округлых и квадратных (т. е. «низких») форм лица увеличивается, 6) процент вогнутых спинок носа растет, 7) количество приподнятых кончиков и оснований носа становится больше.

Очевидно, что направления изменчивости, отмеченные в пунктах 2—7, лишь подтверждают «австралоидный» характер сдвигов в расовом облике южных китайцев в сравнении с северными. Этого нельзя сказать о вариации продольного диаметра и головного индекса. Как известно веддо-индонезийский комплекс в форме волос, пигментации, третичном волосяном покрове, лицевом скелете и мягких частях лица на юго-востоке Азии связывается обычно с наклоном к долихокефалии. Сочетание же в Среднем и Южном Китае некоторых «австралоидных» особенностей с тенденцией к короткоголовости наводит на мысль о наличии здесь расовариантов, не учитываемых простым анализом межгрупповых связей при переходе от монголоидов к «австралоидам». Из-

⁷ T. H. Huxley, On the geographical distribution of the chief modifications of mankind, «Journ. Ethnol. Soc.», Lond., VI, 1870, pp. 404—412; R. Biasutti, Studi sulla distribuzione dei caratteri e dei tipi antropologici, «Mem. geogr.», XVIII, 1912, pp. 99—128; V. Giuffrida-Ruggieri, Schema di classificazione degli hominidae attuali, «Archiv. p. Anthr. e. la Etnolog.», XLII, 1912, p. 141; Бунак, цит. соч., стр. 350.

⁸ J. Deniker, Les races et les peuples de la terre, Paris, 1926, p. 361; W. Gregory, Conspectus of the species and chief races of Hominidae, «Journ. of Dental Research», III, 1921, pp. 178—197; A. C. Haddon, Les races humaines et leur répartition géographique (пер. с англ.), Paris, 1925, pp. 21—24; А. И. Ярхо, Классификация человеческих рас (в цит. раб. Я. Я. Рогинского, стр. 290—291).

Внутригрупповые связи

r	Цвет кожи	Форма волос	Рост бороды	Головной указатель	Высотнопредольный указатель	Наклон лба	Надбровье	Вертикальный профиль лица	Высота лица морфологическая
Цвет кожи . . .	—	0,074	0,075	0,079	0,077	0,065	0,066	0,065	0,075
Форма волос . .	+0,241	—	0,076	0,075	0,076	0,065	0,069	0,071	0,066
Рост бороды . .	+0,317	+0,294	—	0,030	0,081	0,039	0,077	0,076	0,080
Головной указатель . . .	-0,217	-0,230	-0,217	—	0,065	0,064	0,070	0,059	0,071
Высотнопредольный указатель . . .	-0,196	-0,211	-0,187	+0,414	—	0,066	0,072	0,061	0,076
Наклон лба . . .	-0,418	-0,409	-0,421	+0,429	+0,390	—	0,022	0,056	0,074
Надбровье . . .	+0,396	+0,350	+0,274	-0,317	-0,275	-0,846	—	0,057	0,071
Вертикальный профиль лица	+0,413	+0,316	+0,301	-0,501	-0,470	-0,529	+0,516	—	0,075
Высота лица морфологическая	-0,226	-0,407	-0,195	+0,313	+0,213	+0,219	-0,309	-0,217	—
Эпикантус (присутствие) . .	-0,414	-0,462	-0,301	+0,206	+0,185	+0,106	-0,211	-0,196	+0,091
Носовой указатель . . .	+0,491	+0,501	+0,436	+0,117	+0,108	+0,318	-0,314	-0,074	+0,411
Высота переносья . . .	-0,506	-0,487	-0,394	+0,274	+0,214	+0,271	-0,176	-0,496	+0,113
Форма ноздрей (процент овальных) .	-0,413	-0,426	-0,391	+0,218	+0,176	+0,294	-0,217	-0,340	+0,074
Наклон осей . . .	-0,371	-0,291	-0,256	+0,331	+0,436	+0,401	-0,576	-0,612	+0,371
Профиль верхней губы . . .	-0,296	-0,206	-0,417	+0,288	+0,114	+0,204	-0,318	-0,212	+0,117
Толщина губ . . .	+0,506	+0,401	+0,412	-0,144	-0,094	+0,175	+0,211	+0,084	-0,036

вестный свет на природу этих вариантов может пролить рассмотрение географической изменчивости тех расовых особенностей китайцев, которые не обнаруживают последовательных вариаций в северо-южном направлении. Таких признаков, дающих в Среднем Китае не промежуточные, но крайние значения средних, немного. Максимальны в центральных провинциях: 1) поперечный диаметр головы, 2) наименьшая ширина лба, 3) скуловой диаметр, 4) физиономический лицевой указатель, 5) ширина нижней челюсти; минимальны: 1) морфологический лицевой указатель, 2) горизонтальная профилировка лица.

Согласованный характер вариаций по всем поперечным размерам головы и лица и горизонтальной профилировке позволяет высказать предположение о большем развитии черепа в ширину и большей уплощенности лицевого скелета в Среднем Китае по сравнению как с Северным, так и с Южным. Если теперь учесть, что средние китайцы «австралоиднее» северных, но «монголоиднее» южных, то естественно прийти к заключению, что максимум широкоголовости и широколицистости, как и минимум горизонтальной профилировки лица, в Среднем Китае зависит от присутствия особого расового компонента — относительно брахицефального со сравнительно большим скуловым диаметром и некоторыми «австралоидными» чертами в строении лицевого скелета и мягких частей лица. Компонент этот, отличный как от северокитайских мезоцефалов с резко выраженными монголоидными особенностями, так и от долихоцефальных веддо-индонезийцев, должен быть, несомненно,

Таблица 2

зи у южных китайцев

Эпикантус	Носовой указатель	Высота переносья	Форма ноздрей	Наклон осей	Профиль верхней губы	Толщина губ	Направление связи	
							«I тип»	«II тип»
0,065	0,060	0,058	0,065	0,067	0,071	0,061	Темнее	Светлее
0,062	0,059	0,060	0,064	0,072	0,075	0,068	Волнистей	Прямей
0,076	0,068	0,062	0,071	0,078	0,069	0,069	Больше	Меньше
0,076	0,077	0,073	0,075	0,070	0,072	0,080	Ниже	Выше
0,077	0,078	0,075	0,076	0,068	0,077	0,081	Ниже	Выше
0,080	0,070	0,073	0,072	0,066	0,075	0,076	Сильнее	Слабее
0,075	0,070	0,076	0,075	0,052	0,070	0,075	Более развито	Менее развито
0,075	0,077	0,060	0,060	0,049	0,075	0,081	Прогнатней	Ортогнатней
0,078	0,066	0,078	0,078	0,072	0,077	0,081	Меньше	Больше
—	0,078	0,079	0,076	0,075	0,076	0,081	Слабее развит	Сильнее развит
-0,119	—	0,075	0,076	0,074	0,076	0,075	Выше	Ниже
-0,074	+0,216	—	0,075	0,065	0,070	0,074	Меньше	Больше
-0,165	+0,161	+0,216	—	0,048	0,074	0,076	Меньше овалных	Больше овалных
-0,211	+0,219	+0,416	+0,619	—	0,073	0,077	Меньше	Больше
-0,179	-0,164	+0,319	+0,236	+0,247	—	0,055	Проходной	Ортоходной
+0,110	+0,264	-0,295	-0,176	-0,128	-0,541	—	Больше	Меньше

отнесен к кругу форм, соответствующих «малайской» расе Флоуэра или Бунака, «парзойной» («рагеоан») Геддона, «южноазиатской» Ярхо и т. д.⁹

Реальность существования среди южных китайцев веддо-индонезийского и южноазиатского расовых компонентов подтверждается также анализом внутригрупповых связей между важнейшими диагностическими особенностями (табл. 2). Резкая антропологическая гетерогенность южнокитайской серии частично констатируется уже существующей здесь отрицательной корреляцией между продольным и поперечным диаметрами головы ($r = -0,34$). Изучая характер связей между другими признаками, нетрудно выделить два расовых комплекса: 1) относительно длинноголовый с более выраженными австралоидными особенностями в пигментации, волосяном покрове, лицевом скелете и мягких частях лица; 2) относительно короткоголовый, у которого австралоидные черты ослаблены, монголоидные же выражены более отчетливо.

Очевидно, что первый комплекс является веддо-индонезийским, второй же — южноазиатским. От них обоих ясно отличается преобладающий в северных провинциях мезокефальный, лептопрозопный и лепто-

⁹ Н. W. Flower, Outline of classification of the human species, «Nature», XXXI, 1884, p. 364; Бунак, цит. соч., стр. 350; Haddon, op. cit., pp. 128—129; Ярхо, цит. соч., стр. 292—293.

Таблица 3

Суммарная характеристика индивидуальных расовых типов

П р и з н а к и	Т и п ы			
	Индонезийский	Южно-азиатский	Чжиллийский	Манчжурский
Число карточек	19	50	98	32
Рост, см	161,9	162,5	164,9	164,4
Цвет кожи, <i>М</i>	1,95	1,52	1,01	0,91
Форма волос, <i>М</i>	2,53	1,64	1,12	1,06
Рост бороды, <i>М</i>	1,42	1,12	1,09	1,07
Продольный диаметр головы, мм	188,1	184,3	190,5	185,9
Поперечный диаметр головы, мм	145,2	153,4	150,5	156,2
Головной указатель	77,4	83,4	79,1	84,3
Высотный диаметр головы, мм	127,1	130,4	133,3	133,7
Высотно-продольный указатель	67,6	70,8	70,2	71,9
Наклон лба, <i>М</i>	2,21	2,58	2,76	2,53
Надбровье, <i>М</i>	2,00	1,70	1,23	1,41
Горизонтальная профилировка лица, <i>М</i>	1,42	1,20	1,43	1,31
Вертикальная профилировка лица, <i>М</i>	1,95	1,84	1,19	1,19
Высота лица морфологическая, мм	125,1	128,1	132,2	133,4
Скуловая ширина, мм	139,1	141,3	140,8	143,9
Лицевой указатель морфологический	89,7	90,5	94,0	92,8
Складка верхнего века, процент наличия	52,7	80,0	93,0	93,8
Эпикантус, процент наличия	47,5	94,0	96,9	96,8
Длина носа, мм	57,7	58,7	61,7	62,1
Ширина носа, мм	40,2	38,5	36,7	37,4
Носовой указатель	79,9	65,5	59,4	60,2
Высота переносья, <i>М</i>	1,11	1,20	1,43	1,50
Профиль спинки носа, процент вогнутых	42,2	36,0	14,3	9,4
Положение кончика носа, <i>М</i>	1,63	1,84	2,00	2,18
Форма ноздрей, процент овальных	39,9	52,0	85,9	84,4
Наклон осей носовых отверстий, <i>М</i>	1,37	1,40	1,99	2,06
Высота верхней губы, <i>М</i>	2,10	2,35	2,12	2,20
Выступление верхней губы, <i>М</i>	1,00	1,04	1,28	1,31
Толщина губ, <i>М</i>	2,84	2,80	2,50	2,12

Таблица 4

Географическое распределение расовых типов

Т и п ы	С.		Ю.		Число случаев
	Северный Китай	Средний Китай	Южный Китай		
Индонезийский	—	4,8	5,9		19
Южноазиатский	6,5	10,9	14,1		50
Чжиллийский	25,8	22,6	16,3		98
Манчжурский	19,3	5,2	1,5		32
Неопределенный	48,4	56,5	62,2		259
Число случаев (в географич. областях)	93	230	135		458

ринный монголоидный вариант, впервые выделенный Бори де Сен-Венсаном под названием *Homo sapiens sinicus* и позднее описанный Биасутти в качестве «китайской локальной формы», а Лю — в качестве «бореального субварианта китайской расы»¹⁰.

¹⁰ M. Bory de Saint-Vincent, *Espèces du genre Homme*, «Dict. classique d'Hist Nat.», VIII, 1825, pp. 269—346; Biasutti, op. cit; Ch. Liu, A tentative classification of the races of China, «Ztschr. f. Rassenkunde», VI, 1937, S. 129—150.

Таблица 5

Межгрупповая изменчивость описательных расовых признаков китайцев по материалам Ли Цзи

Признаки	С.	Ср.	Ю.
Число исследованных	11	61	39
Цвет кожи, М (0—1)	0,27	0,20	0,42
Форма волос, М (1—2)	1,09	1,03	1,11
Рост бороды, М (0—2)	1,00	0,91	0,97
Наклон лба, М (1—3)	2,36	2,48	2,28
Надбровье, М (1—3)	1,60	1,67	1,88
Прогнатизм, М (1—3)	1,46	1,51	1,53
Эпикантус (процент присутствия)	80,0	77,6	64,6

Существенную помощь в расовом анализе китайцев оказала мне обработка материалов по отдельным «индивидуальным расовым типам», отмеченным еще А. И. Ярхо в самом процессе обследования студентов-суньятсэновцев (табл. 3). Первые три «типа», установленные Ярхо, — индонезийский, южноазиатский («малайский») и северокитайский («чжилийский») — полностью соответствуют уже знакомым нам расовым компонентам китайского народа. Только последний тип Ярхо — «манчжурский» — не находит параллелей среди комплексов, выделяющихся при анализе связей. По большинству признаков тип этот близок к чжилийскому, отличаясь от него главным образом резкой брахикефалией и большим поперечным диаметром. Морфологически рассматриваемый комплекс можно обозначить как «брахикефальный вариант северокитайского типа».

Географическое распределение описанных «типов» очень неравномерно. Прежде всего заслуживает внимания прогрессивное возрастание в северо-южном направлении «неопределенных» форм (табл. 4), стоящее, несомненно, в связи с большой гетерогенностью и сложностью расового состава южных китайцев. За вычетом неопределенных форм в Северном Китае преобладающим типом оказывается чжилийский, за ним следует манчжурский, южноазиатский встречается редко, индонезийский вовсе отсутствует. В Среднем Китае картина уже иная: при значительном количестве чжилийских типов, резко падает процент манчжурских и увеличивается процент южноазиатских; появляются также индонезийские формы. В Южном Китае чжилийских типов отмечено 16%, южноазиатских только на 2% меньше, манчжурские встречаются лишь в виде исключения, индонезийские, напротив, достигают своего максимума.

3. Сравнение с данными других авторов

Сопоставление относящихся к китайцам антропологических данных разных авторов сильно затрудняется неоднородностью методов, применяемых при отдельных исследованиях. Момент этот, существенный уже для некоторых измерительных признаков (высотный диаметр, морфологическая высота лица, длина носа), приобретает решающее значение при изучении вариаций описательных особенностей, по которым сравнение делается возможным только в пределах материалов, собранных одним исследователем. Естественно поэтому, что наибольшую ценность для нас представляет сопоставление географических серий, изученных одним лицом. К сожалению, материалов, удовлетворяющих этим условиям, очень мало. Если учитывать только исследования на живых и исключить труды, охватывающие лишь ничтожное количество призна-

ков, то останутся только работы Широкогорова и Вагензейля¹¹. Все остальные антропологические исследования китайцев (во всяком случае доступные мне) или вовсе не содержат географической разбивки материала — как, например, у Коганей или Ли Цзи¹² — или относятся к территориально ограниченным группам и поэтому не могут дать представления о межгрупповых вариациях во всем Китае.

Для получения дополнительных материалов по географической изменчивости описательных признаков я воспользовался индивидуальными данными, приведенными в книге Ли Цзи, обработав их по трем территориальным зонам: северной, средней и южной (табл. 5). Основная задача заключалась здесь в том, чтобы выяснить насколько совпадают намеченные нами направления географических вариаций с описанными другими авторами.

Наиболее полно изучены у китайцев локальные колебания среднего роста. Из материалов Широкогорова, Стевенсона и Хэтчесона, охватывающих весь Китай¹³, а также из сопоставлений данных ряда других авторов с полной несомненностью вытекает факт постепенного понижения роста в северо-южном направлении и промежуточного положения по этому признаку средних китайцев между северными и южными. Разница средней длины тела населения северных и южных провинций Китая достигает 4—6 см. Наиболее высокорослы жители северо-восточных провинций Хэбей (Чжили) и Шаньдун (166—170 см), наиболее низкорослы — крайних южных: Гуандун и Гуанси (161—163 см). На северо-западе, в Шаньси и Ганьсу, насколько можно судить по данным Талько-Грынцевича и Джойса¹⁴, средний рост, повидимому, несколько ниже (164—165 см), чем на северо-востоке. Наши цифры для южных китайцев немного выше обычно фигурирующих в литературе, для северных китайцев, напротив, — ниже. Наиболее близкую к нашей величину роста для северян (шаньдунцев) дает на очень большом (около 2000 чел.) материале Кожеуров (165,6 см)¹⁵.

Данные о пигментации китайцев очень скудны. Пользовавшийся шкалой Лушана, Ли Цзи получил значительно более низкий, чем мы, балл цветности кожи, что несомненно зависит от методических расхождений. Все же из материалов этого автора, а также Вагензейля, определявшего цвет кожи на лбу, щеках, груди и животе, отчетливо выступает тенденция к потемнению в северо-южном направлении (табл. 5). Данные о цвете волос и глаз, приводимые теми же авторами, очень близки к полученным нами. Темнокарие оттенки радужины (№ 2 по шкале Мартина) отмечены у южных и средних китайцев почти в три раза чаще, чем у северных.

Господствующая форма волос китайцев всеми авторами характеризуется как прямая. О некоторой тенденции к волнистости и даже кур-

¹¹ S. M. Shirokogoroff, *Anthropology of Northern China*, Shangh., 1923; он же, *Anthropology of Eastern China and Kwangtung province*, Shangh., 1925; F. Wagenseil, *Rassiale, soziale und körperbauliche Untersuchungen an Chinesen*, «Ztschr. f. Morphol. u. Anthropol.», XXXII, 1933, S. 132—213.

¹² Y. Koganei, *Messungen an chinesischen Soldaten*, Mitt. d. Med. Fac. d. Univ. in Tokyo, VI, 2, 1903, S. 1—23; Chi Li, *The formation of the Chinese people*, Cambr., 1928.

¹³ Shirokogoroff, op. cit. (1923—1925); P. H. Stevenson, *Collected anthropometric data on the Chinese*, *China Med. Journ.*, XXXIX, 1925; A. L. Hutcheson, *Report on the height, weight and chest measurements of the healthy Chinese*, *ibid.*, XXXIV, 1920, pp. 13—16.

¹⁴ Ю. Талько-Грынцевич, *Заметки по антропологии северных китайцев*, Тр. Троицкосавск.-Кяхт. отделен. Приамурск. отд. Русск. геогр. о-ва, II, вып. 3, 1899, стр. 1—81; Т. А. Joyce, *Notes of the Physical Anthropology of Chinese Turkestan and the Pamirs*, «*Journ. of Royal Anthr. Inst.*», XLII, 1912, pp. 450—484.

¹⁵ Г. П. Кожеуров, *Материалы к антропологии Северного Китая*, *Бюлл. Краеведч. научн.-иссл. ин-та при Гос. дальневост. ун-те*, 1925, № 1, стр. 64—69.

чаivosti в Гуандуне упоминает Широкогоров¹⁶. По материалам Ли Цзи у средних китайцев волнистые волосы встречаются втрое реже по сравнению с южными, отсутствие растительности на лице, напротив, гораздо чаще (табл. 5). Направление межгрупповой изменчивости в обоих случаях совпадает с найденным нами.

Сравнительно многочисленны материалы по головному указателю и, частично, по горизонтальным диаметрам черепа китайцев. Работы Коганеи, Широкогорова, Кожеурова, Вейсбаха, Такамуре и др.¹⁷ с полной достоверностью устанавливают существование в Северном Китае (прежде всего в провинции Шаньдун) обширной зоны мезокефалии и господства средних размеров длинника и поперечника головы (ср. индекс 78—80). В Хэбэе головной указатель несколько выше (79—81). Еще севернее среди китайцев Маньчжурии встречаются уже настоящие короткоголовые формы (средний индекс по Широкогорову — 83,6, по Нанива и Симамото — 87,1). Брахицефальная форма черепа с малым длинником и большим поперечником обнаружена также Талько-Грынцевичем у выходцев из провинции Шаньси (84,1). Интересно отметить, что шаньсийские и маньчжурские китайцы оказываются также низкорослей своих чилийских и шаньдунских соплеменников.

Население центральных провинций брахицефальнее чилийцев и шаньдунцев. Широкогоров для Цзянсу, Аньхой и Чжэцзяна получил при среднем длиннике и большем поперечнике средние указатели, почти не отличающиеся от найденных нами для средней группы (80—83). Более мезокефально, по Лежандру, население провинции Сычуань (79,3)¹⁸.

Сведения о головном индексе южных китайцев очень противоречивы. По сравнению со средними, а отчасти и северными провинциями, на юге почти все авторы отмечают уменьшение обоих горизонтальных диаметров. По Гагену, Ли Цзи, Ольбе, гуандунцы — умеренные брахицефалы (81—82), по Широкогорову — мезокефалы (80,2), по Чуану — даже почти долихоцефалы (76,3). Для гуансийцев имеем данные Жирара, характеризующие их как мезоцефалов с очень коротким и узким черепом (79,5). Сходными пропорциями мозговой коробки характеризуются — по данным Вайяна — также китайцы Индо-Китая (80,6). Напротив, фуцзяньцы (по немногочисленным материалам Чуана и Ли Цзи) должны быть отнесены к настоящим брахицефалам (82,2)¹⁹. В общем с полной отчетливостью выступает факт значительной гетерогенности южных китайцев как в отношении абсолютных величин, так и в отношении формы сочетания горизонтальных осей головы. Имеются также указания на тенденцию к стеноидному (узкому) строению черепа.

Данные о наклоне лба и развитии надбровья у китайцев могут быть добыты из материалов Ли Цзи (табл. 5): при некотором расхождении

¹⁶ Широкогоров, *op. cit.* (1925), p. 54.

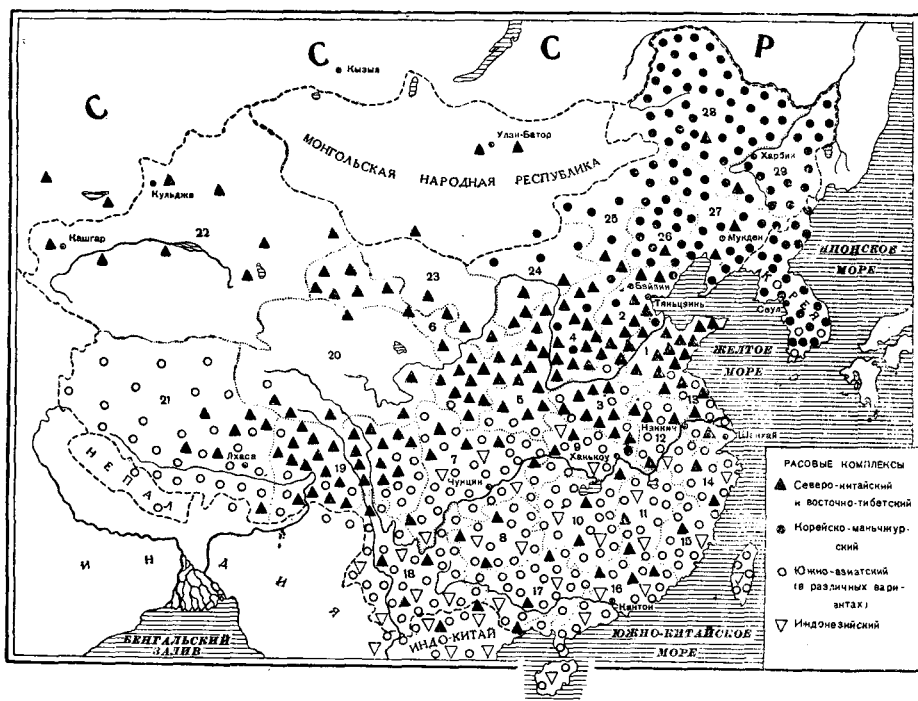
¹⁷ Коганеи, *op. cit.*; Широкогоров, *op. cit.* (1923 и 1925); Кожеуров, *цит. соч.*; A. Weisbach, *Körpermessungen verschiedener Menschenrassen*, «Zeitschr. f. Ethnol.», Suppl. IX, 1877; I. Takamura, R. Nishioka u. M. Ebara, *Physich-anthropologische Untersuchungen an Kulis (chinesischen Tagelöhnern) and an Prostituierten in Dairen, Kaibō Zasshi*, VI, 1933, pp. 959—974 (яп.); K. Maoka, N. Ito a. M. Naniwa, *Contribution to the Physical Anthropology of Opiumate in Manchoukuo*, «Journ. Anthropol. Soc. Tokyo», LII, 1937, pp. 410—421, 454—465 (яп.); M. Naniwa a. M. Shimamoto, *Contribution to the Physical Anthropology of Chinese in Manchoukuo*, *ibid.*, LII, 1937, pp. 371—388; LIII, 1938, pp. 442—460 (яп.).

¹⁸ A. F. Legendre, *Étude anthropologique sur les Chinois du Setchouen*, *Bull. et Mém. d. l. Soc. d'Anthr. de Paris*, sér. 6, II, 1911, pp. 102—124.

¹⁹ B. Hagen, *Anthropologischer Atlas ostasiatischer und melanesischer Völker*, Wiesbaden, 1898; Chi Li, *op. cit.*; T. V. Holbé, *Somatique extrême-orientale*, «Rev. anthropol.», XXXIII, 1923, pp. 217—258; XXXIV, 1924, pp. 1—37; Широкогоров, *op. cit.* (1925); S. H. Chuan, *The skull measurements of three hundred Chinese*, Suppl. to «China Med. Journ.», XXXIV, 1920, pp. 12—13; H. Girard, *Notes sur les Chinois du Quang-si*, «Anthropologie», IX, 1898, pp. 144—170; L. Vaillant, *Contribution à l'étude anthropologique des chinois Hakka de la province de Moncay (Tonkin)*, *ibid.*, XXV, 1920, pp. 83—109.

с нашими получающихся средних баллов, ясно намечается больший наклон лба и большее развитие надбровья в Южном Китае по сравнению со Средним и Северным.

Достаточно определенны сведения о географической изменчивости лицевых размеров и указателей китайцев. Относительную лептопрозопию северян и мезо- или хамэпрозопию южан отмечают Широкогоров и Вагензейль. Материалы Вагензейля подтверждают также найденное нами увеличение в Среднем Китае скуловой ширины. О вертикальной профилировке лица (прогнатизме) упоминает Ли Цзи; из приведенных им данных вытекает постепенное возрастание прогнатности с севера на юг (табл. 5).

Географическое распространение основных расовых комплексов населения Китая
Условные обозначения. 1—Шаньдун, 2—Хэбэй, 3—Хэнань, 4—Шаньси, 5—Шэньси, 6—Ганьсу, 7—Сычуань, 8—Гуйчжоу, 9—Хубэй, 10—Хунань, 11—Цзянси, 12—Аньхой, 13—Цзянсу, 14—Чжэцзян, 15—Фуцзянь, 16—Гуандун, 17—Гуанси, 18—Юньнань, 19—Сикан, 20—Цинхай, 21—Тибет, 22—Синьцзян, 23—Нинся, 24—Суйюань, 25—Чахар, 26—Жэхэ, 27—Ляонин, 28—Хэйлуцзян, 29—Гиринь

Значительная гетерогенность населения Китая в отношении размеров носа известна уже давно. Коротко- и широконосость южных китайцев в сравнении со средними и, особенно, северными отмечается буквально всеми авторами. Абсолютные и относительные (в процентах ошибки) величины групповых амплитуд не оставляют ни малейшего сомнения в реальности наблюдаемых различий. Данные об описательных признаках носа китайцев невелики. Прогрессивное снижение количества высоких переносий в северо-южном направлении вытекает из материалов Ли Цзи. Сведения о вариациях профиля спинки носа находим у Широкогорова и Вагензейля. Оба последних автора отмечают возрастание процента вогнутых спинок с севера на юг²⁰. Расодиагностические особенности глазной области китайцев изучались Ли Цзи и Вагензейлем, установившими крайне интенсивное развитие эпикантуса

²⁰ Shirokogoroff, op. cit., 1923, p. 36, 1925; p. 51; Wagenseil, op. cit.

и складки верхнего века. Намечается также постепенное ослабление монголоидности в строении глаза в северо-южном направлении (см. в табл. 5 данные о наличии эпикантуса). В этой же связи интересно замечание Широкогорова о большем распространении среди гуандунских китайцев «сильно открытых, иногда круглых глаз»²¹.

Относительно околоротовых расовых признаков китайцев находим сведения у Вагензейля. К сожалению, его данные по высоте и профилю верхней губы не разбиты на территориальные группы и не сравнимы с нашими из-за методических различий. Что касается толщины губ, то значительное ее развитие у китайцев полностью подтверждается данными этого автора.

Подводя итоги обзора литературных материалов по антропологии китайцев, мы должны констатировать, что найденные нами закономерности географических вариаций расовых признаков вполне согласуются с данными других авторов, значительно дополняя их по многим (главным образом описательным) особенностям, до настоящего времени почти не изученным у населения Китая. Суммируя результаты собственного расового анализа со сведениями, полученными из литературы, мы можем несколько уточнить морфологическую характеристику вышеописанных расовых комплексов, точнее обозначить области их локализации и место в расовой систематике азиатских разновидностей человечества. Итоги этой работы сведены на прилагаемой карте, которая должна рассматриваться как вывод из первой части настоящей статьи.

4. Этнорасовые параллели: комплексы «северного тяготения»

Ближайшие параллели основному расовому комплексу китайского народа — чилийскому типу, как и его брахицефальному гомологу — манчжурскому варианту, — находим среди населения стран, примыкающих к внутреннему Китаю с запада и севера.

Наибольшую антропологическую близость к китайцам обнаруживают, бесспорно, тибетцы. Рассматриваемые суммарно, они очень разнообразны по росту (156—167 см), светлокожи, имеют прямые, почти всегда черные волосы, карие глаза, мезоцефальными (77,1—79,9), обладают длинным, умеренно широким лептопрозопным лицом (морфологический указатель от офриона — 95,0—98,5), сильно варьирующими формой и размерами носа (средний индекс в различных группах колеблется от 74,5 до 85,9), умеренно толстыми, нередко несколько прохейличными губами. Настоящие тибетцы юго-востока страны оказываются высокорослее, длинноголовее, лептопрозопнее и лепториннее других племен, живущих в соседстве с ними (Делиль, Бако, Биасутти). Сходство типа с северокитайским сразу бросается в глаза. По существу тибетский мезоцефальный вариант монголоидов *H. sap. asiaticus tibetanus* по Джуффрида-Руджери — очень близок к «китайскому» типу того же автора (*H. sap. asiaticus sinicus*)²².

Конечно, мезоцефальный и лептопрозопный монголоидный комплекс, близкий к северокитайскому, не является единственным расовым типом населения Тибета. Наряду с ним здесь прослеживаются и более брахицефальные компоненты южноазиатского облика. Геддон считает, что среди тибетцев можно наметить два главных расовых комплекса: парзыйный, наиболее ярко выраженный на юге страны, и другой, долихоцефальный, с более выдающимся носом, локализующийся главным

²¹ Shirokogoroff, op. cit., 1925, p. 52.

²² F. Delisle, Sur les caractères physiques des populations du Tibet sud-oriental, Bull. et Mém. d. l. Soc. d'Anthr. de Paris, ser. 5, IX, 1908, pp. 473—486; J. Baco, Anthropologie du Tibet, ibid., pp. 462—473; R. Biasutti, I tipi somatici nelle popolazioni dell'alto Indo, Bologna, 1913/14; V. Giuffrida-Ruggieri, Prime linee di un'antropologia sistematica dell' Asia, «Archiv. p. Antropol. e la Etnolog.», XI.VII, 1917.

образом на востоке. Тёрнер на краниологическом материале также устанавливает существование двух типов: более высокорослого и длинноголового с лептозомными чертами лица и более низкорослого и брахикефального. Морант различает тип «А», локализирующийся преимущественно на юге страны, у границ Сиккима, связанный с южными китайцами и малайцами, и тип «В», характерный для населения восточной провинции Кам, более длинноголовый и напояинающий описанную Коганей северокаитайскую черепную серию. Бекстон прямо указывает, что в Каме представлен в более чистом виде тот же самый антропологический тип, который преобладает в Северном Китае и, вероятно, связывается с древнейшим населением Центральной и Восточной Азии²³. Совершенно очевидно, что все эти авторы говорят об одном и том же направлении межрасовых различий, наблюдаемом и на нашем китайском материале при сопоставлении «чжилийского» и «южноазиатского» типов. Таким образом, главные направления расовой дифференциации населения во внутреннем Китае и в Тибете оказываются аналогичными: в основе их лежит разделительная линия между монголоидными вариантами «северного» и «южного» тяготения.

В других областях Центральной Азии, примыкающих с запада к 18 провинциям внутреннего Китая, также очень вероятно присутствие расовых компонентов, близких или даже идентичных северокаитайскому. В Синьцзяне, по старым данным Уйфальви, Пояркова и Мацевеского²⁴, мезокефальные монголоидные расоварианты с очень высоким, но сравнительно узким лицом преобладают как среди китайцев собственно, так и среди тесно связанных с ними культурно и языково дунган. Дунгане Киргизии и южного Казахстана, обследованные в 1945—1946 г. экспедициями Института этнографии АН СССР, в массе также относятся к северокаитайскому типу: рост у них средний или несколько выше среднего (164—167 см), волосы большей частью прямые, нередко тугие, по окраске черные, борода развита сравнительно слабо (хотя и сильнее, чем у китайцев), глаза темные, голова удлинённая, довольно узкая, по индексу мезокефальная (79—80), лицо уплощённое, высокое (129—133 мм), но относительно узкое (139—140 мм), складка верхнего века резко выражена, часто встречается эпикантус (24—25% у взрослых мужчин), нос лепторинный, с низким или средним переносьем и прямой или выпуклой спинкой (как в костной, так и в хрящевой части), губы несколько утолщены²⁵.

Дальнейшие параллели расовым типам Северного Китая находим уже на его северо-восточных рубежах — в Манчжурии и Корее. Сохранившиеся в настоящее время в ничтожном количестве манчжуры по описаниям Торри, Широкогорова и Сима характеризуются ростом ниже среднего (163—164 см), прямыми и тугими волосами, слабо развитым третичным волосным покровом, карими глазами, коротким, среднешироким, резко брахикефальным черепом (инд. 84—87), плоским, высоким, но сравнительно узким лицом, сильно развитыми эпикантусом и складкой верхнего века, слабо выступающим мезоринным носом с прямой или выпуклой спинкой. К манчжурам близки родственные им сибо, а также некоторые группы дауров и солонов (Сима). Китайское насе-

²³ Haddon, op. cit., p. 95; W. Turner, Contribution to the Craniology of the People of the Empire of India, Transact. Royal. Soc. Edinburgh, XLIX, 1913, pp. 705—734; G. M. Morant, A first study of the Tibetan Skull, Biometrika, XIV, 1923, pp. 193—260; он же, A study of certain oriental series of Crania, ibid., XVI, 1924, pp. 1—105; L. Vuxton, China, the Land and the People, Oxf., 1929, pp. 52—53.

²⁴ Ch. Ujfalvy, Les Kachgariens, Tarantchis et Dounganes, «Rev. d'Anthr.», sér. 2, II, 1879, pp. 489—495; Поярков и Мацевеский, Краткие этнографические заметки о туземцах бывшего Кульджинского района, Омск, 1883.

²⁵ Н. Н. Чебоксаров, Отчет о дунганской экспедиции, «Кр. сообщ. Ин-та этногр.», 1947, № 3 (в печати).

ление Манчжурии по многим признакам ближе к манчжурам, чем к китайцам Хэбэя и Шаньдуна (Широкогородов, Нанива и Симамото) ²⁶.

Корейцы по своему антропологическому типу явно гетерогенны. По данным Шантра и Бурдарэ, Кубо и Широкогорова, они характеризуются, суммарно, ростом ниже среднего (161—162 см), матовобелой кожей, всегда тугими и прямыми черными волосами, слабо развитой, но все же присутствующей растительностью на лице, косо расположенными глазами, часто с эпикантусом. Горизонтальные диаметры головы невелики (172—182 и 144—154), головной указатель — брахикефальный (83—84). Лицевые размеры очень сильно варьируют: для скуловой ширины межгрупповая амплитуда достигает 10 мм (134—144), для морфологической высоты 6 мм (125—131 мм при измерении от офриона). Нередки субъекты с очень длинным, овально вытянутым лицом. Нос — умеренной длины (48—51), узкий (36—37 мм) по указателю — мезоринный, с наклоном к лепторинии (72,6—76,6) ²⁷.

Таким образом, морфологически манчжуры, а отчасти и корейцы, воспроизводят все характерные особенности того расового типа, который был назван А. И. Ярхо «манчжурским», или «даурским». Его основное отличие от северо-китайского, как мы видели, заключается в более высоком головном указателе. Очевидно, что отношение горизонтальных осей головы на Дальнем Востоке, как и в других местах земного шара, не связано с определенным типом лицевого скелета и мягких частей лица. Дальневосточная монголоидная раса может существовать в двух вариантах: мезокефальном — северокитайском и брахикефальном — манчжурском, или, точнее, «манчжуро-корейском». Оба варианта морфологически и эволютивно тесно связаны друг с другом.

К северу от Манчжурии и Кореи узколищные дальневосточные монголоиды входят в состав тунгусо-манчжурских народностей советского Приамурья и Приморья. Наиболее ярко характерные особенности рассматриваемых компонентов выступают среди гольдов (нанаев), которые (по неопубликованным данным Липского и Золотарева) при общем монголоидном облике отличаются ото всех других этнических групп Амурского бассейна повышенным ростом (до 165 см), пониженным головным указателем (до 79) и сравнительно узким, хотя и очень высоким, лицом.

М. Г. Левин выделяет у гольдов особый расовый тип, который он называет «амурским», и сближает его с северокитайским вариантом восточных монголоидов. Кроме гольдов присутствие «амурского» комплекса вероятно среди ульчей (Дебеч) ²⁸.

Узколищные монголоидные компоненты, сходные с чилийским и манчжурским типами, входят также в состав японцев. Насколько можно судить по устаревшим работам Бельца и известным мне новым данным японских антропологов, население Японии в антропологическом отношении складывается — за вычетом аинских элементов — из двух основных пластов, входящих в состав монголоидной большой расы: более высокорослого и «лептозомного» со сравнительно узким удлинен-

²⁶ R. Torii, Etude anthropologique, Les Mandchous, «Journ. Coll. Scient. Univ. Tokyo» XXXVI, 1914, Art. 6; Shirokogoroff, op. cit. (1923); G. Shima, A contribution to the physical anthropology of the Mongols and the Tunguses, «Journ. Anthr. Soc. Tokyo», L. 1935, Suppl., pp. 1—22; Naniwa a. Shimamoto, op. cit.

²⁷ E. Chantre et E. Bourdager, Esquisse anthropologique des Coréens, Bull. d. l. Soc. d'Anthr. d. Lyon, XXI, 1902, pp. 222—238; T. Kubo, Beiträge sur physischen Anthropologie der Koreaner, Mitt. d. Med. Facult. d. Univ. in Tokyo, XII, 1913, pp. 1—686; он же, Physical anthropological study of the Korean people, «China Med. Journ.», XXXI, 1917, pp. 523—550; Shirokogoroff, op. cit. (1923 и 1925).

²⁸ М. Г. Левин, Антропологические типы Амура и Охотского побережья. «Кр. сообщ.» Ин-та этногр., I, 1946, стр. 65—68; Г. Ф. Дебеч, Ульчи, «Антропол. журн.», 1935, № 1, стр. 63—74.

ным лицом и лепторинным носом (тип «хосю» по Бельцу) и более низкорослого и «эуризомного» с низким лицом и широким носом (тип «сатсума»). Первый комплекс известен в двух вариантах: брахикефальном (тип «окаяма» по терминологии Мацумото) и мезодолихокефальном («тикудзен»), концентрирующему преимущественно на севере Кюсю и морфологически близкому к чжилийскому типу. Речь, очевидно, идет о смешении тех же рас, что и в Китае: дальневосточной (в ее длинноголовом и короткоголовом вариантах) и южноазиатской («монголо-малайской» по Бельцу)²⁹.

Таким образом, почти во всех странах, примыкающих к внутреннему Китаю с запада, северо-запада, севера и северо-востока, мы наталкиваемся на расовые комбинации, сходные с северокитайскими. Для Тибета, Кореи, Японии характерны в основном те же самые формы расовой комбинаторики, что и для большинства китайских провинций. Везде в этих областях мы встречаемся со смешением в разных пропорциях «лептозомных» монголоидных компонентов чжилийско-маньчжурского облика (комплексов «северного тяготения») с элементами «южноазиатского» круга. Первые типы, несомненно, специфичны для рассматриваемой зоны в целом, вторые — локализующиеся преимущественно на ее южных границах — имеют здесь подчиненное значение, будучи эволютивно связаны с другим расогоническим циклом. Такой параллелизм в формах расово-морфологических связей дает нам право говорить о существовании в Восточной и частично Центральной Азии особого расогонического ареала, охватывающего, грубо говоря, страны между 30° и 45° северной широты, от Тибета до Японских островов. Ареал этот и соответствующий ему цикл расовых вариантов занимает в системе монголоидных разновидностей человечества вполне определенное и специфическое место, подобно зонам становления малайско-индонезийских и монгольско-сибирских вариантов *Homo sapiens asiaticus*. В отличие от области формирования южных монголоидов (см. ниже) рассматриваемый ареал не носит промежуточного или переходного характера, но охватывает (морфологически и географически) расовые комплексы отчетливо выраженного монголоидного типа. Расовые элементы Северного Китая занимают в совокупности вариантов, входящих в состав этого — дальневосточного или восточноазиатского — цикла, центральное место и должны быть рассматриваемы как одни из самых характерных его представителей.

5. Этнорасовые параллели: комплексы «южного тяготения»

В иную расовую и этническую среду приводят нас поиски ближайших аналогий южноазиатскому и индонезийскому компонентам средних и южных китайцев. Несмотря на существенные морфологические различия между этими компонентами, несмотря даже на то, что они относятся к разным большим расам, — они оказываются теснейшим образом связанными друг с другом как многочисленными переходными формами, так и поистине мозаичным переплетением и взаимопроникновением

²⁹ E. Baelz, Die körperlichen Eigenschaften der Japaner, Mitt. d. Deutsch. Gesellsch. f. Naturgesch. u. Völkerkunde Ostasiens, III, 1883, S. 330—359; IV, 1885, S. 35—103; он же, Die Menschenrassen Ostasiens mit spezieller Rücksicht auf Japan, «Ztschr. f. Ethnol.» XXXIII, 1901, S. 166—198; он же, Anthropologie der Menschenrassen Ostasiens *ibid.*, pp. 202—222; A. Matsumura, On the cephalic index and stature of the Japanese and their local differences, «Journ. Facult. Scienc. Univ. Tokyo», V. Anthropology, 1925, pp. 1—312; S. Murata, Rassenbiologische Untersuchung über die Tokai-Japaner, Rassenbiol. Untersuch. d. Hygien. Inst. d. Med. Fakult. Kanazawa, II, 1936, S. 1—164; III, 1937, S. 1—136 (яп.); Y. Koya, T. Mukai, Y. Aoki, S. Suzuki, Physisch-anthropologische Forschungen über die Hokuuriku-Japaner, *ibid.*, IV, 1937, S. 1—276; S. Ando, Rassenbiologische Untersuchungen über die Stadt-Bewohner sowie Dorfbewohner im Hokuuriku-Distrikt Japans, *ibid.*, V. 1938, S. 217—236.

ареалов своего современного распространения. Близкие к ним комбинации расовых признаков встречаются почти исключительно среди населения стран, лежащих к югу от Китая: в Индо-Китае, Таи, Бирме, Индонезии. В самом Китае концентрация их прогрессивно снижается в юго-северном направлении, и среди народностей, населяющих области, примыкающие к Китаю с севера, аналогов им почти не обнаруживается. Словом, рассматриваемые расовые варианты могут быть охарактеризованы в разрезе территориальных параллелей как комплексы «южно-тяготения».

Несомненно их преобладание в Индо-Китае. По данным различных французских исследователей, а также по новым материалам, собранным экспедицией Эйкштедта, большинство этнических групп Индо-Китая характеризуется «эбеново»-черными, прямыми или (реже) «плосковолнистыми» волосами, слабой растительностью на лице и теле, довольно темной, иногда с «красноватым» или «оливковатым» оттенком, кожей (№№ 12—20 по шкале Лушана), интенсивно пигментированной радужной, сравнительно низким ростом (157—163 см), короткой, умеренно широкой, обычно брахикефальной головой (индекс 82—86), невысоким (115—120 мм при измерении от переносья), среднешироким (139—141 мм), уплощенным лицом, сильно развитой складкой верхнего века, частым эпикантусом, мезоринным или хамэринным (ук. 70—87), слабо выступающим носом, «вдавленным у корня», склонностью к прогнатизму, нередко утолщенными губами³⁰.

Антропологические различия между основными территориально-языковыми группами французского Индо-Китая (тонкинцами, аннамитами, лаосцами, кохинхинцами и камбоджцами) при суммарном их сопоставлении, повидимому, не слишком значительны. В общем при несомненно монголоидной основе выступают (в сочетании с брахикефалией) те же сдвиги в «австралоидном» направлении, что и на нашем южно-китайском материале. Отношения эти наиболее просто и удовлетворительно объясняются гипотезой о господстве в расовом облике индо-китайцев того брахикефального монголоидного комплекса, который выше был нами обозначен как «южноазиатский». Большая короткоголовость и широкосость, низкорослость, темнокость, прогнатность и т. д. индо-китайцев по сравнению с южными китайцами зависят, по всей вероятности, от большей концентрации у первых данного комплекса, встречающегося среди вторых хотя и в заметном, но не преобладающем количестве, притом в смеси с комплексами «северного тяготения» (чжидийским и маньчжурским).

³⁰ J. Harmand, Les races indo-chinoises, *Mém. d. l. Soc. d'Anthr. d. Paris*, sér. 2, II, 1875; он же, Sur les recherches craniométriques en Indochine et sur l'emploi d'un nouvel instrument, *Bull. d. l. Soc. d'Anthr. d. Paris*, sér. 2, XII, 1877, pp. 598—601; M. Breton, Sur les mensurations de 15 femmes et de 53 hommes tonkinois provenant de Hanoi et de Haiphong, *ibid.*, sér. 2, I, 1879, pp. 592—594; A. Bloch, Quelques remarques d'anthropologie des Cambodgiens actuellement à Paris, *Bull. et Mém. d. l. Soc. d'Anthr. d. Paris*, sér. 5, VII, 1906, pp. 354—365; M. Mondière, Les races de l'Indo-Chine, «*Rev. d'Anthr.*», sér. 2, V, 1882, pp. 676—684; E. Maurel, Etude anthropologique du peuple Khmer, *Bull. d. l. Soc. d'Anthr. d. Paris*, IX, 1886, pp. 416—425; он же, Etude anthropologique et ethnographique du royaume de Cambodge, *Mém. d. l. Soc. d'Anthr. d. Paris*, sér. 2, III, 1888, pp. 442—462; он же, Mémoire sur l'anthropologie des divers peuples vivant actuellement au Cambodge, *ibid.*, sér. 2, IV, 1893, pp. 459—535; J. Deniker et L. Laloy, Les races exotiques à l'exposition universelle de 1889, «*Anthr.*», I, 1890, pp. 257—294, 513—546; M. Roux, Contribution à l'étude anthropologique de l'Annamite tonkinois, *Bull. et Mém. d. l. Soc. d'Anthr. d. Paris*, sér. 5, VI, 1905, pp. 321—350; J. Deniker et A. Bonifacy, Les Annamites et les Cambodgiens (étude anthropométrique), *ibid.*, sér. 5, VII, 1906, pp. 354—365; A. Bonifacy, Les groupes ethniques du bassin de la Rivière Claire, *ibid.*, sér. 5, VII, 1906, pp. 296—330; E. Eickstedt, Die anthropologische Stellung von Indochina, «*Ztschr. f. Morphol. u. Anthropol.*», XXXIV, 1934, S. 79—93; он же, Siam und Laos, das Tai-Problem und die Chinoisants, «*Ztschr. f. Rassenk.*», X, 1939, S. 1—67.

Однако монголоидными элементами южноазиатского («малайского») облика отнюдь не исчерпывается все разнообразие расовых типов Индо-Китая. Почти все авторы работ по расовой антропологии этой части Азии отмечают глубокую антропологическую смешанность ее населения и наличие в его составе наряду с монголоидными расовариантами других — более долихоцефальных, широконосовых и низкорослых, часто лишенных специфических особенностей «желтой расы». Подобные элементы, принадлежащие к веддо-индонезийской расе, прослеживаются уже в составе народностей северного Тонкина и соседних районов провинции Юньнань. Так, Бонифаси выделяет здесь немонголоидный длинноголовый расовый тип, наиболее ясно выступающий среди племен яо, миао и носу (лоло) — низкорослых (156—159 см), часто волнистоволосых, мезоцефальных (78—80) и широконосовых (87—90).

Еще отчетливее господство индонезийских элементов прослеживается у хмерской по языку группы народностей той, живущих к востоку от Меконга, в горных районах Тонкина, Лаоса и Аннама. По данным Ольбе, исследовавшего свыше 500 мов, для них характерны: волнистые волосы, темная кожа, низкий рост (158 см), платириния, мезо- или долихоцефалия (средний головной указатель — 79,14, но в некоторых локальных подгруппах, например у ма, он падает до 74,8)³¹. На краниологическом материале наличие индонезийского компонента в Индо-Китае было установлено еще Верно, когда он впервые опубликовал измерения 6 черепов группы мов «банар», отличавшихся сильной долихоцефалией и платиринией. В более поздней работе того же автора, написанной им совместно с Паннетье, находим указания на присутствие среди населения Камбоджи длинноголового, широконосового, прогнатного элемента с выраженным надбровьем, существующего здесь наряду с остатками низкорослых негроидных («негритосских») форм, брахикефальными монголоидными типами и европеоидными компонентами индийского происхождения³². Хмерские (аустроазиатские) племена Южного Аннама, Кохинхины и Камбоджи (порр, раде, банар, седанг и др.) также характеризуются веддо-индонезийскими особенностями: умеренно темной кожей, волнистыми волосами, тенденцией к хамеринии (носовой указатель 77—82), утолщенными губами (Эйкштедт). Интересно отметить, что головной указатель этих племен очень сильно варьирует (76—84)³³. Наблюдаемая изменчивость лишней раз указывает на отсутствие связи между пропорциями мозговой коробки и разграничительными признаками основных расовых подразделений человечества.

Расовый состав населения Таи (Сиама) и Бирмы в основном аналогичен индо-китайскому. По мнению Геддона, одного из лучших знатоков антропологии юго-восточной Азии: «Практически все народы Бирмы принадлежат к парэоидной расе. Головной указатель варьирует от 78,1 (качинцы) до 82,5 (карены пуо); носовой указатель от 85,2 (карены сау) до 91,8 (палаун); рост от 158 (палаун) до 163 (нижнебирманцы). Среди всех племен долихоцефальные элементы встречаются столь же определенно, как и брахикефальные. Маукены (селуны) архипелага Мергуи (в Индийском океане, к западу от Теннасерима) являются, быть может, группой наиболее близкой к подслаивающей незиотической расе»³⁴. Тилдесли и Морант на краниологическом материале также приходят к выводу о большой неоднородности бирманцев. По их данным, выделяется, с одной стороны, более брахикефальный монголоидный

³¹ Holbé, op. cit.

³² R. Verneau, Note sur les Mois Ba-Hnars, Bull. d. Mus. d'Hist. Natur., I, 1895; R. Verneau et Pannetier, Contribution à l'étude des Cambodgiens, «Anthr.», XXXI, 1921, pp. 279—317.

³³ Eickstedt, op. cit., 1944, S. 558—559.

³⁴ Haddon, op. cit., pp. 124—126.

тип «А», связывающийся с парэойной расой, с малайцами и, особенно тесно, с южными китайцами, с другой стороны — более долихоцефальный элемент «С» (не индонезийский), параллели которому Морант ищет на севере, в Тибете и в долине Хуанхэ³⁵. Гейне-Гельдерн дает краткий обзор межгрупповых вариаций головного и носового указателей и роста у 52 народностей Бирмы и Ассама, обследованных различными английскими учеными, главным образом Рисли и Ваделлем. Наиболее длинно-головными оказываются монхмерские (аустро-азиатские) по языку синтенги Восточного Ассама с головным указателем — 72,9, носовым указателем — 82,2 и ростом в 161 см ($N = 27$). За ними по возрастанию головного индекса следует целый ряд аустро-азиатских, тибето-бирманских и сиамо-китайских народностей, характеризующихся долихо- или мезоцефалией (74—80), тенденцией к широконосости (80—95) и невысоким ростом. У всех этих народностей вероятно присутствие индонезийского расового компонента³⁶.

Бирмой и Ассамом не ограничивается распространение на запад веддо-индонезийского расового комплекса. Во всяком случае близкие к нему элементы в большом количестве встречаются в разных местах Индии, главным образом среди народов, говорящих на языках мунда, а также у веддов Цейлона (Саразин, Рисли, Эйкштедт и др.)³⁷. Однако детальное рассмотрение этих расовариантов не входит в нашу задачу — во-первых, потому, что хотя их включение в веддо-индонезийскую расу и не вызывает сомнений, но идентификация их именно с индонезийским (восточно-веддоидным) типом отнюдь не является бесспорной, а во-вторых, потому, что указанные элементы в Индии и на Цейлоне выступают в контакте уже не с южноазиатскими монголоидными типами, как в Китае, но с комплексами совсем иного происхождения.

Зато в юго-восточном направлении взаимодействия южноазиатских и веддо-индонезийских элементов остается незаурядным еще на многие тысячи километров от Южного Китая, по крайней мере во всей Индонезии. Не останавливаясь подробно на расовом составе населения этой обширной области, не граничащей непосредственно с Китаем, отмечу только, что почти все исследователи-антропологи выделяют здесь три основных расовых комплекса (не считая европеоидных примесей индийского происхождения): негритосский, индонезийский и «малайский» (т. е. южноазиатский)³⁸. Негритосский тип, характеризующийся сочетанием курчавых волос, темной кожи, крайней низкорослости (145—150 см) и общего гипоморфного («ювенильного») облика представлен на рассматриваемой территории семангами Малакки (Мартин) и аэта Филиппин (Сюлливан). Индонезийский вариант — с черными волнистыми волосами, коричневой кожей, небольшим ростом (152—159 см), большей частью мезоцефальной головой (78—79), низким, но не плоским лицом, горизонтально расположенными глазами без эпикантуса, широким носом (до 92) и нередко утолщенными губами — с наибольшей яркостью выступает среди сеноев на Малакке (Мартин) и тоала на Целебесе (Саразин). В смешении с южными монголоидами индонезий-

³⁵ Morant, op. cit., 1923 и 1924; M. L. Tildesley, A first study of the Burmese skull, «Biometrika», XIII, 1921, pp. 176—260.

³⁶ R. Heine-Geldern, Gibt es eine austroasiatische Rasse? «Arch. f. Anthr.», Neue Folge, XVIII, 1920; H. Risley, The People of India, Lond., 1915; L. A. Waddell, The Tribes of the Brahmaputra Valley, «Journ. of Asiat. Soc. of Bengal», LXIX, Part III (Anthropology), 1900, pp. 1—127.

³⁷ F. u. P. Sarasin, Die Weddas von Ceylon und die umgebenden Völkerschaften, 2 Bd., Wiesbaden, 1892, S. 193; Risley, op. cit.: Eickstedt, Die Rassen-geschichte von Indien, «Ztschr. f. Morph. u. Anthr.», XXXII, 1933, S. 77—124.

³⁸ L. R. Sullivan, Racial types in the Philippine Islands, Anthr. Papers of Amer. Mus. of Nat. Hist., XXIII, part I, 1918; J. P. Kleiweg de Zwaan, De Rassen van den indischen Archipel, Amst., 1925; D. J. Nyessen, Anthropological Investigations in Java, Weltevreden, 1929; он же, The Races of Java, Welt., 1929.

ские элементы прослеживаются в Индонезии почти повсеместно, главным образом во внутренних частях островов. На Суматре «индонезийские» черты нередки среди кубу (Гаген, Фольц) и баттаков (Фольц), на Яве — среди горных тенгерезов (Кольбрюгге), на Борнео — среди даяков (Геддон). Что касается южных монголоидов, то они отличаются в Индонезии большим разнообразием и включают как более брахикефальные («дейтеромалайские»), так и более долихокефальные («протомалайские, или «незиотские» по Геддону) варианты³⁹.

Подводя итоги сравнительному обзору распространения ближайших аналогов выделяющихся среди китайцев расовых комплексов «южного тяготения», мы, прежде всего, должны констатировать факт глубокого единства основных расово-морфологических связей во всей Юго-Восточной Азии и Индонезии. Единство это, проявляющееся, несмотря на многообразие локальных форм выражения данных связей, вне всякого сомнения, является следствием общности расогонических процессов на рассматриваемой территории. Установленные нами для Южного Китая частные закономерности сочетания ведущих расодиагностических признаков приобретают в свете сравнительно-географического анализа гораздо более общее расовосистематическое и расоводинамическое значение. Это, в свою очередь, служит неоспоримым доказательством того, что история индонезийского и южноазиатского комплексов в Китае является лишь главой их истории на юго-востоке Азии. Естественно, что и сама территория Южного, а частично и Среднего Китая, должна рассматриваться с точки зрения протекавших здесь расообразовательных процессов, как периферическая область обширного расогонического ареала, являющегося великой переходной зоной между территориями становления монголоидов и «австралоидов». Очевидно также, что эволютивные связи расовых комплексов «южного тяготения» Южного Китая с другими элементами данного расогонического цикла древнее и существеннее, чем аналогичные связи южнокитайских расовариантов с северокайскими. Вывод этот, лишний раз подтверждающий на конкретном примере всеобщее явление несовпадения расо- и этногонических ареалов, должен служить отправным пунктом при анализе соотношений этногонических и расообразовательных процессов на территории Китая.

6. Аборигены страны лёсса: расогенез

Главное значение материалов по этнической антропологии Китая для исторической науки заключается в том, что они дают возможность — в сопоставлении с данными археологии, этнографии и лингвистики — наметить пути решения многих существенных проблем происхождения, древнейшего расселения и культурного взаимодействия народов Восточной Азии. Рассмотрение этих проблем естественно начать с вопросов о времени и обстановке первичного появления древнейших людей на территории Китая, об их физическом типе и культурных особенностях. Антропологические данные при решении поставленных вопросов должны, конечно, переплетаться с геологическими и археологическими.

После находок синантропа не приходится сомневаться, что Китай

³⁹ R. Martin, Die Inlandstämme der Malavischen Halbinsel, Jena, 1905; F. Sargasin, Versuch einer Anthropologie der Insel Celebes, Teil I—II, Wiesbaden, 1905/06; B. Hagen, Die Orang Kubu auf Sumatra, Frankf. a. M., 1908; M. Volz, Zur Kenntnis der Kubus in Südsumatra, «Arch. f. Anthr.», Neue Folge, VII, 1908, S. 89—109; W. Volz, Zur somatischen Anthropologie der Battaker in Nordsumatra, *ibid.*, XXXII, 1900, S. 717—732; J. H. F. Kohlbrugge, L'anthropologie des Tenggerois, «Anthr.», IX, 1898, S. 1—25; A. C. Haddon, The Physical Characters of the Races and Peoples of Borneo, *append. to Ch. Hose and McDougall, The Pagan Tribes of Borneo.* Lond., 1912, vol. II.

входил в зону распространения ранних представителей семейства гоминид еще на заре плейстоцена (Блек, Вейденрейх, Вейнерт). В последние годы Вейденрейхом была выдвинута гипотеза, согласно которой синантроп является непосредственным предком монголоидной большой расы или даже, специально, ее северокайтайского варианта⁴⁰. Советские антропологи Я. Я. Рогинский и М. Г. Левин подвергли взгляды Вейденрейха серьезной критике, указав, что его аргументы недостаточны для вывода о специфических эволютивных связях между бэйпинскими обезьяно-людьми и современными монголоидами. Тем не менее вопрос о включении Китая в ареал становления человека этими воззрениями не снимается, особенно, если принять во внимание большую морфологическую близость между синантропом и питекантропом и полную естественно-географическую возможность существования в начале четвертичного периода древнейших гоминид на всем пространстве от окрестностей Бэйпина до Явы⁴¹.

К верхнему палеолиту в Китае относятся черепа из «Верхней пещеры» у Чжоугоудяня, которые Пей датирует временем примерно за 25 000 лет до н. э. Из описания Вейденрейха и приложенных к его статье фотографий и цифровых данных можно заключить, что черепа эти обладали целым рядом особенностей, характерных для монголоидной разновидности человечества: уплощенным крупным лицом, слабо выступающим носом с низким переносьем, очень узкими носовыми костями, резко выраженными предносовыми ямками (*fossae praenasales*), небольшим альвеолярным прогнатизмом. Рогинский, изучая материалы Вейденрейха, пришел к выводу, «что человек из Чжоугоудяня имел весьма большую и непрогнатную нижнюю челюсть с широкой ветвью, круто поднимающейся кверху, с широким отстоянием нижних углов, с развернутой альвеолярной дугой, вероятно, с подбородком не отступающим кзади... Все эти признаки безусловно отличают человека из Чжоугоудянь от австралоидной и негроидной рас, а также от современной европеоидной и, наоборот, несколько приближают его к северным вариантам монголоидной». Интересно, что для рассматриваемых черепов характерно сочетание, высокой мозговой коробки (136—150 мм на одном мужском и двух женских объектах) с высоким же лицом (69—77 мм). Сочетание это резко отличает верхнепалеолитических людей Северного Китая как от сибирских и центральноазиатских монголоидов с их низкой головой (127—132 мм) и длинным лицом (72—78 мм), так и от южных («малайских») вариантов той же большой расы, для которых характерна комбинация значительного высотного диаметра (135—139 мм) и низкого лица (66—71 мм). Ближайшие аналогии «чжоугоудяньцам» по сочетанию значительных вертикальных размеров мозговой и лицевой частей черепа мы находим только в Восточной Азии и в Полярной Америке среди древних краниологических серий эпохи неолита и палеометалла, а также среди современных северных китайцев, корейцев, манчжур, гольдов, чукчей и эскимосов (Чебоксаров). Очень возможно, что люди, обитавшие в конце древнего каменного века на севере Китая, были предками позднейших популяций, на основе которых

⁴⁰ D. Black, On an adolescent skull of *Sinanthropus Pekinensis*... «*Palaeontolog. Sinica*», VII, 1930, pp. 1—144; H. Weinert, *Der Sinanthropus pekinensis*... «*Ztschr. f. Morph. u. Anthr.*», XXIX, 1931, S. 159—187; F. Weidenreich, *The Skull of Sinanthropus pekinensis*, Peking, 1943.

⁴¹ Я. Я. Рогинский, Проблема происхождения монгольского расового типа, «*Антроп. журн.*», 1937, № 2, стр. 43—64; М. Г. Левин, Новая теория антропогенеза Ф. Вейденрейха, «*Сов. этногр.*», 1946, № 1, стр. 213—218; он же, рец. на работу F. Weidenreich, *The Skull of Sinanthropus pekinensis*.

формировались восточные и северо-восточные варианты *Homo sapiens asiaticus*⁴².

Археологические материалы также указывают на вероятное обособление носителей верхнепалеолитических культур Северного Китая и соседних районов Монголии от синхроничных человеческих коллективов более западных и северных областей. По данным Лисана, Тейяр де Шардена и Юна, техника обработки камня и основные формы орудий в палеолитических стоянках Ордоса, Шаньси и Шэньси отличаются большим своеобразием. В отличие от преимущественно лесных зон Европы и Сибири, в степных культурах бассейна Хуанхэ очень рано — на рубеже среднего и верхнего палеолита — появляются орудия микролитического облика (резцы, скребочки, треугольные наконечники или вкладыши и др.). В более позднее время (стоянка Сяра-Оссо-Гол в Ордосе, подъемный материал из развееваемых дюн Монголии) орудия эти становятся господствующими и вся индустрия приобретает ярко выраженный «азильский отпечаток» (Нельсон). На резкое отличие ордосских находок от инвентаря верхнепалеолитических стоянок Забайкалья, Ангары и Енисея обратил внимание П. П. Ефименко. «Бросается в глаза, — пишет он, — значительное сходство палеолитических стоянок северного Китая в смысле направления развития типов орудий с памятниками южной (капсийской) области Европы и смежных с ней территорий. Очевидно, и здесь, на востоке Азии, складывались разные условия для развития охотничьих обществ в конце ледниковой эпохи. При этом в более северных районах охота на мамонта, северного оленя, пещера, зайца создавала предпосылку для сложной культуры, напоминающей мадленскую культуру Европы, а в степных областях Монголии и Ордоса это развитие шло по другим путям, более или менее общим для всей южной части Европы и Азии». Скорлупа страусовых яиц и раковины улиток, находимые в стоянках бассейна Хуанхэ, указывают на большую роль собирательства в хозяйстве древнейших насельников этой области⁴³.

Палеолитические орудия из «Верхней пещеры» Чжоугоудяня очень сходны с ордосскими, но относятся, повидимому, к несколько более поздней эпохе (Терра). Пей сближает их с индустрией из пещер Гуанси и из местонахождений так называемой «баксонской культуры» (Wacsonian) в Индо-Китае и считает возможным выделять особую «тихоокеанскую» провинцию палеолита. Терра указывает на аналогичный инвентарь из стоянок древнего каменного века в Манчжурии, подчеркивая, что эта страна является географическим связующим звеном между Северным Китаем и приполярной зоной Северо-Восточной Азии. В общем создается впечатление, что в умеренной полосе Дальнего Востока — в Восточной Монголии, Манчжурии и в бассейне Желтой реки, в «великой стране лёсса» — в конце плейстоцена, в условиях холодного и сухого климата (Барбуор) складывалась своеобразная культура соби-

⁴² W. C. Pei, On the Upper Cave industry, *Peking Natur. Histor. Bull.*, XIII, 1939, pp. 175—179; F. Weidenreich, On the earliest representatives of modern mankind recovered on the soil of East Asia, *ibid.*, pp. 161—174; Рогинский, *идт. соч.*, стр. 54—55; Н. Н. Чебоксаров, Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии, *Тр. Ин-та этногр.*, сб. памяти Грдлички и Боаса, 1947 (в печ.).

⁴³ E. Licent et P. Teilhard de Chardin, *La paléolithique de la Chine. «Anthropologie»*, XXXV, 1925, pp. 201—234; P. Teilhard de Chardin, Fossil man in China and Mongolia, *«Nat. Hist.»*, XXVI, 1926, pp. 238—245; P. Teilhard de Chardin a. C. S. Young, Preliminary Observations on the Preloessic and Post-Pontian Formations in Western Shansi and Northern Shensi, *Mem. Geol. Surv. China.*, Ser. A, No. 8, 1930; N. C. Nelson, The dune dwellers of the Gobi, *«Nat. Hist.»*, XXVI, pp. 246—251; П. П. Ефименко, Первобытное общество, Л., 1938, стр. 590—592.

рателей моллюсков и охотников на степных животных, в расовом отношении принадлежавших к древним вариантам восточных монголоидов⁴⁴.

Отношение описанных культур к более поздним не вполне ясно, так как до настоящего времени в Китае не обнаружено раннеолитических стоянок, которые могли бы связать между собою обе части каменного века — палеолит и неолит. В археологической литературе высказывалось мнение о резком ухудшении климатических условий в бассейне Хуанхэ в конце палеолита, в связи с чем человек будто бы не мог существовать в этих местах на стадии собирательского хозяйства и снова заселил их гораздо позднее, уже в период развитого неолита (см., напр., у Бишопа⁴⁵). Если стать на эту точку зрения, необходимо допустить, что предки современных китайцев пришли в область их нынешнего обитания откуда то извне — из районов, в которых климатические условия на заре неолита были более благоприятными, чем в самом Китае. Мало вероятно, чтобы районы эти могли располагаться к северу или западу от Северо-китайской низменности: в горах Манчжурии или на высоких плато и в сухих степях Центральной Азии, где климат всегда был более суровым, чем в долине Хуанхэ и на берегах Чжилийского залива. Очевидно, неолитическая культура, если она не развилась на палеолитической основе в самом Китае, могла быть принесена туда только с юга — из Индо-Китая или Северо-Восточной Индии. В пользу такого предположения как будто бы свидетельствуют и антропологические данные: широкое распространение в Китае «комплексов южного тяготения» (южноазиатского и индонезийского) и наличие некоторых особенностей южной ветви монголоидов даже у тех расовых типов, которые географически были нами определены как «комплексы северного тяготения» (чжилийский и манчжурский).

Однако серьезных оснований для принятия гипотезы о двукратном заселении Северного Китая человеком и о наличии здесь реального разрыва между палеолитом и неолитом у нас нет. Неблагоприятный климат конца плейстоцена вряд ли был столь суров, чтобы заставить носителей ордосской и чжоугоудянской культур покинуть страну лёсса. Как и в Европе или Сибири, некоторое ухудшение климатических условий должно было скорее стимулировать культурное развитие, чем вести к его деградации. Отсутствие данных о стоянках «мезолитического» облика в Китае зависит, вероятно, от недостаточной археологической его изученности, а вовсе не от отсутствия самих стоянок. Ведь и в Европе мезолитические памятники азийско-гарденуазского или свидерского типа были открыты гораздо позднее, чем «типичные» палеолитические или неолитические поселения. Новейшие данные показывают, что между наиболее поздними палеолитическими и наиболее ранними неолитическими стоянками в Китае и Манчжурии намечаются определенные стратиграфические и типологические связи (Терра⁴⁶). Что касается расогонических связей северо-китайского и манчжурского типов с южными монголоидами, то они наиболее естественно и просто объясняются как раз не миграцией южных вариантов *Homo sapiens asiaticus* к северу, но близким соседством ареалов первоначального формирования дальневосточных и южноазиатских расовых типов. Необходимо помнить, что восточные монголоиды, хотя и связаны по своему происхождению более тесно с южными, чем с северными вариантами азиатской большой расы, но все же занимают — географически, а отчасти и мор-

⁴⁴ Н. Терра. Pleistocene formations and stone age man in China. Inst. d. Géologie, Peking, 1941, No. 6, pp. 41—49; Pei, op. cit., p. 39; G. E. Barbour, The Taiku deposits and the problem of pleistocene climates, Bull. Geol. Soc. China, X, 1931, pp. 71—104.

⁴⁵ C. W. Bishop, Origin of far eastern civilisations, Smithsonian Institutions, War background Studies, No. 1, 1942.

⁴⁶ Терра, op. cit., pp. 20, 44.

фологически — промежуточное положение между теми и другими, обладая в то же время рядом специфических особенностей, указывающих на раннее обособление от общего «протомонголоидного субстрата» (Чебоксаров).

Переходя к вопросу об этнорасовом составе носителей неолитических и палеометаллических культур Китая, мы вступаем в область коренных проблем китайского этногенеза. Многочисленные мнения о происхождении китайцев, высказанные в синологической литературе, могут быть сведены к трем основным гипотезам: 1) южного (индо-китайского), 2) западного (центрально- или переднеазиатского) и 3) автохтонного происхождения. Первая гипотеза поддерживалась главным образом Вигером и Форке, которые основывались на изучении древнекитайской письменности и на лингвистических данных о родстве китайского языка с языками таи, тибетцев и бирманцев⁴⁷. Вторая гипотеза, лучше других согласующаяся с китайской традиционной историей, имела до последнего времени наибольшее количество сторонников (Ришар, Конради, Ростгорн и др.). Некоторые из них, не удовлетворяясь, как Рихтгофен, локализацией «прародины» китайцев в бассейне Тарима, искали их связи с древнейшими очагами цивилизации в Передней Азии: с Вавилоном, Шумеро-Аккадией, Эламом (Террьен де Лакупри, Вильямс). В наши дни сторонником происхождения с Ближнего Востока основных элементов древнекитайской культуры является видный американский синолог Бишоп. По его мнению, носители культуры Инь и Чжоу (II—I тысячелетия до н. э.) получили с запада через «трансевразийский степной корridor» пшеницу, плужное земледелие, большинство домашних животных, колесный экипаж, металлургию бронзы и железа, гончарный круг, основные элементы письменности и т. д.⁴⁸ За аборигенное происхождение китайцев высказывались такие крупные специалисты по истории и лингвистике Дальнего Востока, как Гирт, Росс, Кордье, Масперо, Крил⁴⁹. Для вопросов китайского этногенеза особенно большой интерес представляют работы двух последних авторов, которые, умело пользуясь данными китайских письменных источников, а также археологии, исторической этнографии и лингвистики, прослеживают, как постепенно складывалась в долине Хуанхэ китайская культура и формировался на основе древнего аборигенного населения китайский народ.

Антропологические материалы полностью подтверждают основные положения Масперо и Крила. Описанные Блеком черепа из стоянок

⁴⁷ L. Wiegner, Rudiments de parler et de style chinois, X, Textes historique, I. Ho-kien-fou, 1902; A. Forke, Der Ursprung der Chinesen auf Grund ihrer alten Bilderschrift, Hamburg, 1925.

⁴⁸ L. Richard, Géographie de l'Empire Chinois, Shanghai, 1905; A. Conrady, China, Pflug-Hartung's Weltgeschichte, III, 1910; A. Rosthorn, Die archäologische Forschung in China, «Anthropos», XXXII, 1937, S. 633—646; F. Richtofen, China, Ergebnisse eigener Reisen, 5 Bde, Berl., 1877—1912; Terrien de Lacouperie, The languages of China before the Chinese, Lond., 1887; E. T. Williams, The origins of the Chinese, «Amer. Journ. of Physic. Anthropol.», I, 1918, pp. 183—211; C. W. Bishop, op. cit., 1942, а также The chronology of Ancient China, «Journ. of Amer. Orient. Soc.», LII, 1932, pp. 232—247; The rise of civilisation in China..., «Geogr. Rev.», XXII, 1932, pp. 617—631; The neolithic age in Northern China, «Antiquity», VII, 1933, pp. 389—404; The beginnings of North and South in China, «Pacific Affairs», VII, 1934, pp. 297—325; The beginning of Civilisation in Eastern Asia, Suppl. to «Journ. of Amer. Orient. Soc.», 1939, pp. 45—61.

⁴⁹ F. Hirth, The ancient history of China to the end of the Chou dynasty, N. Y. 1923; J. Ross, The origin of the Chinese people, Edinb., 1916; H. Cordier, Origine des chinois, théories étrangères. Toung Pao, XVI, 1915, pp. 575—603; он же, Histoire générale de la Chine..., 4 vols., Paris, 1920—1922; H. Maspero. Les origines de la civilisation chinoise, «Annal. de Géogr.», XXXV, 1926, pp. 135—154; он же, La Chine antique, Paris, 1927; H. G. Creel, On the origins of the manufacture and decoration of bronze in the Shang period, «Monumenta Serica», I, 1935, p. 39—70; он же, The Birth of China. Lond., 1936; он же, Studies in early Chinese culture, Lond., 1938.

энеолитической культуры Яншао, процветавшей в Хэнани, Ганьсу и южной Манчжурии в IV—II тысячелетиях до н. э. (Андерсон, Арне, Ву⁵⁰), морфологически оказываются чрезвычайно близкими к современным северокитайским краниологическим сериям (табл. 6). Как для древних, так и для современных черепов бассейна Хуанхэ характерно сочетание основных особенностей монголоидной большой расы (выступающие скулы, небольшой угол носовых костей, уплощенное переносье, предносовые ямки и др.) со среднелинной, довольно узкой, но очень высокой мезокранной мозговой коробкой, высоким, но сравнительно узким лицом

Таблица 6
Древние и современные северо-китайские черепа

Период	А	Б.	В	Г
	Энеолит (III тысячелетие до н. э.)	Энеолит и бронза (включая А)	V—II вв. до н. э.	Современный
Локализация	Хэнани и Ганьсу	Хэнани и Ганьсу	Жэхэ	Северный Китай
Признаки	Авторы			
	Блек	Блек	Мияке и др.	Блек
Продольный диаметр	181,6 (25)	180,3 (41)	181,9 (8)	178,5 (86)
Поперечный диаметр	137,0 (26)	138,6 (42)	135,6 (7)	138,2 (86)
Черепной указатель	75,0 (25)	76,0 (40)	74,4 (7)	77,6 (86)
Высотный диаметр	136,8 (23)	137,0 (39)	138,0 (2)	137,2 (86)
Высотно-продольный указатель	75,7 (23)	76,0 (39)	76,5 (2)	77,0 (86)
Наименьший лобный диаметр	92,3 (24)	91,1 (41)	88,4 (11)	89,4 (85)
Высота лица	70,2 (19)	72,5 (40)	72,0 (2)	75,5 (83)
Скуловой диаметр	130,7 (19)	132,2 (37)	131,0 (2)	132,7 (83)
Лицевой указатель	53,8 (14)	54,6 (30)	54,8 (2)	56,8 (83)
Лицевой угол	85,0° (17)	85,9° (32)	81,0° (2)	83,4° (80)
Глазничный указатель	75,0 (19)	76,2 (35)	77,8 (3)	80,7 (62)
Носовой указатель	47,3 (18)	47,7 (39)	54,2 (2)	45,3 (86)
Угол носовых костей	20,0°* (18)	20,0°* (34)	—	19,0°* (81)

* Определен по чертежу.

⁵⁰ D. Black, A study of Kansu and Honan Aeneolithic skulls and specimens..., Palaeontolog. Sinica, ser. D, VI, 1928, pp. 1—82; J. G. Andersson, An early Chinese culture, Bull. Geol. Surv. China, V, 1923, pp. 1—68; он же, Children of the Yellow Earth, Lond., 1934; T. J. Arne, Painted stone age pottery from the province of Honan, «Palaeontolog. Sinica», ser. D, I, 1925; G. D. Wu, Prehistoric pottery in China, Lond., 1938.

и лепторинией. Некоторые отличия древних насельников Северного Китая от их вероятных современных потомков (например, большая длинно-головость первых или их более низкие глазницы) зависят, надо думать, от эпохальной изменчивости самой дальневосточной расы и во всяком случае не могут поколебать вывода Блека, который справедливо подчеркивает, что «доисторическое население (Китая) было вполне азиатским по своему физическому типу. Больше того: сходство между доисторическим и современным населением Северного Китая настолько велико, что первое вполне заслуживает наименования «протокитайского»⁵¹.

Костяки из раскопок в Сяотуне, близ Аньяна (Хэнань), относящиеся к иньскому периоду (около 1400 лет до н. э.), до настоящего времени детально не описаны. Однако Крил, ссылаясь на устное сообщение китаецкого исследователя Лян Шу-юна, определенно указывает, что все эти костяки (их найдено свыше 11 сотен) были «монголоидными», обладая, в частности, характерной «лопатообразной» формой резцов. У Крила же мы находим любопытное замечание о том, что иныцы на бронзовых сосудах и оракульных костях всегда изображали глаза «монголоидного» типа: с узкой щелью и опущенным внутренним углом. О монголоидности большинства древнекитайских изображений и их поразительном сходстве с современными китайцами упоминает также и Масперо⁵².

К северокитайскому расовому типу должны быть отнесены и черепа из каменных ящиков Жэхэ (Манчжурия), описанные Мияке, Иосими и Намба и датируемые V—II вв. до н. э. Черепа эти (судя по фотографии) обладают скуластым лицом, плоским носом, слабо или средне развитым надбровьем. По большинству измерительных признаков они очень близки к энеолитической серии Блека, отличаясь от нее главным образом несколько большей долихокранией и резко выраженной хамэринией (табл. 6)⁵³. Таким образом несомненно, что уже в III—I тысячелетии до н. э. основная масса населения Северного Китая и соседних районов Манчжурии принадлежала к мезодолхокранным вариантам восточных монголоидов, непосредственным предшественникам современного северокитайского, а вероятно, и корейско-манчжурского типов. Ареал становления обоих этих типов, повидимому, почти совпадал с зоной их преимущественной концентрации в настоящее время: он охватывал в первую очередь «страну лёсса» — бассейн Хуанхэ и близлежащие области, расположенные между обрывистыми краями Монгольского плато и Большим Хинганом на западе и берегами Желтого и Японского морей на востоке. С очень большой вероятностью можно предполагать, что восточные монголоиды являются древнейшими аборигенными расами этой территории, сложившимися здесь в самом конце плейстоцена и в начале современного геологического периода на основе антропологических типов палеолита, идентичных с представленными в «Верхней пещере» Чжоугоудяня. Китайский народ на заре своей истории, в эпоху Инь-Шан (1766—1122 г. до н. э. по традиционной хронологии), сформировался в долине Желтой реки среди племен, принадлежавших в массе к высокоголовым, узколицым восточным монголоидам, преимущественно к северокитайскому их варианту. Данные палеоантропологии не только полностью опровергают спекулятивные теории о пришлое происхождении китайцев, но и указывают на постоянство преобладающего среди них расового комплекса на протяжении по крайней мере четырех тысячелетий: от времени процветания культуры Яншао до наших дней.

⁵¹ Black, op. cit., p. 81.

⁵² Creel, op. cit., 1936, p. 50, 1938, p. 149; Maspero, op. cit., 1927, p. 16, прим.

⁵³ S. Miyake, T. Yoshimi a. M. Namba, Über die menschlichen Skelettfunde in den Gräbern von Hung-schan-hou bei Ch'ih-fêng in Dschehol, Manschukuo, «Archaeologia orientalis», ser. A, VI, 1938, S. 1—24.

7. Аборигены страны лёсса: истоки культуры

В полном согласии с этим выводом находятся также археологические, лингвистические, этнографические и собственно исторические материалы. Новейшие исследования по древней истории Китая все больше убеждают в существовании прямой преемственности между северо-китайским неолитом и культурами иньского и чжоуского времени. Огромные результаты раскопок последних лет, суммированные в вышеуказанных работах Андерсона, Арне, Ву, Бишопа и Крила, дают возможность проследить уходящие в глубокую древность местные корни многих основных или специфических элементов раннекитайской цивилизации.

Так, уже в самых старых неолитических стоянках (лишенных крашеной керамики) встречаются зерна метельчатого проса (*Panicum miliaceum* L.) — древнейшего культурного растения Северного Китая и Маньчжурии, красной нитью проходящего через всю дальнейшую историю китайского сельского хозяйства (Крил, Бишоп). Очень возможно, что этот род проса происходит от местных дикорастущих форм, которые, по некоторым указаниям, до настоящего времени попадают в Монголии (Комаров⁵⁴). Несколько позднее в долине Хуанхэ появляется головчатое просо (*Setaria italica* P. V.), известное из раскопок в Сяотуне (Крил) и происходящее от нескольких разновидностей зеленого мышея (*Setaria viridis*), широко распространенного на Дальнем Востоке (Комаров). Имеются указания на неолитическую древность и третьего важнейшего злака Северного Китая — гаоляна (Бишоп). По китайской традиционной истории, культуры обоих видов проса и гаоляна (*Andropogon sorghum*) были введены за 27 веков до н. э. мифическим императором Шэньнуном. Легендарный предок племени чжоу носил, как известно, имя Хоу Цзи («князь Просо»): местожительство его помещалось на территории современной провинции Шэньси (Думан⁵⁵). В свете всех этих данных не приходится сомневаться, что в «стране лёсса» располагался один из древнейших очагов возделывания и распространения ряда важных культурных растений.

Очень интересны данные о древнейших формах жилища в Северном Китае. В неолитическое время такими жилищами были здесь круглые землянки с входом через дымовое отверстие в крыше (Бишоп). В иньскую эпоху землянки эти не исчезают, но продолжают существовать наряду с более совершенными постройками в качестве жилища бедняков или, может быть, рабов (Бишоп, Крил). В книге китайской античной поэзии («Ши-цзин») упоминается о том, что предки племени чжоу жили в хижинах «похожих на печи» и в пещерах (Легг⁵⁶). По мнению Бишопа, иероглиф («сюе»), в настоящее время обозначающий «пещеру», в древности имел форму и представлял не что иное, как

вертикальный разрез неолитической землянки со сводчатой деревянной кровлей⁵⁷. Неолитические корни имеет и своеобразная иньская глинобитная техника возведения стен послойной трамбовкой с засыпкой мелким булыжником, служившим чем-то вроде каркаса (Разумовский⁵⁸). Древнейшим памятником этой техники являются стены вокруг городища Чэнцзый в Шаньдуне, относящегося к позднему неолиту и непосред-

⁵⁴ В. Л. Комаров, Происхождение культурных растений, М.—Л., 1931, стр. 110—115, а также 59.

⁵⁵ Л. И. Думан, Очерк истории Китая — в кн. «Китай», сб. статей под ред. В. М. Алексеева, М.—Л., 1940, стр. 109.

⁵⁶ J. Legg, Chinese Classics IV, The She King or Book of Poetry, 1871, p. 437.

⁵⁷ Bishop, op. cit., 1933, p. 394; 1942, p. 8.

⁵⁸ К. И. Разумовский, Китайское искусство — в кн. «Китай» (см. прим. 55), 1940, стр. 329.

ственно связанного с последующей иньской культурой (Крил). Таким образом удается проследить постепенное развитие строительных приемов в древнем Китае, начиная с наиболее архаических неолитических построек.

Специфическими элементами раннекитайских культур являются некоторые типы орудий труда. К ним относятся, например, четырехугольные или полулунные каменные ножи с отверстиями, почти не имеющие аналогий в Западной Евразии, но обычные в неолитических стоянках Северного Китая и в стоянках поселений иньского времени (Бишоп, Крил). Подобные же ножи встречаются в других местах тихоокеанского культурно-географического ареала: у чукчей, эскимосов и в Южной Америке (Андерсон).

Древнейшая неолитическая посуда в бассейне Хуанхэ изготовлялась вручную из грубой серой глины и украшалась архаичным однотонным орнаментом в виде насечек, ямок и накладок. Посуда этого типа и в настоящее время широко распространена в крестьянских слоях населения как самого Северного Китая, так и соседних стран (Бишоп). В конце IV тысячелетия до н. э. на территории северо-западных провинций (Ганьсу, Шэньси, Шаньси, запад Хэнани) появляется крашенная керамика, которая доживает здесь до VI—II вв., но затем бесследно исчезает (Андерсон⁵⁹). В северо-восточные районы (Шаньдун, Хэбэй, восток Хэнани, юг Манчжурии) крашенная керамика распространяется значительно позднее и существует в этих местах сравнительно недолго. По мнению Крила, рассматриваемый тип посуды мало связан с собственно китайским северо-восточным (хэнань-шаньдунским) культурным очагом. Зато именно на северо-востоке на базе неолитических традиций развивается изготовление черной лощеной керамики, характерной для городища Чэнцзыяй. Посуда эта изготовлялась на гончарном круге; она продолжала бытовать и в иньское время. Наряду с ней как носители культуры Чэнцзыяй, так и древние иньцы изготовляли тонкую хорошо обожженную посуду из белой глины. Непосредственная связь неолитического и иньского гончарного дела подчеркивается и формой сосудов: уже в самых ранних стоянках Северо-Восточного Китая появляются характерные для этой территории, оригинальные глиняные треножки типа «ли», которые становятся руководящими формами в период Чэнцзыяй. В иньскую эпоху по образцу треножников «ли» изготовлялись бронзовые сосуды с орнаментом, совершенно аналогичным неолитическому (Крил).

Что касается металлургии бронзы, то многие исследователи допускают ее проникновение в Китай с запада вдоль «степного коридора» (Бишоп, Крил). Симптоматично, однако, что наивысшего расцвета производство бронзовых орудий, сосудов и украшений достигает не в северо-западных провинциях (где оно появляется раньше), но в северо-восточных, особенно в Хэнани, в центре иньского культурного очага. Орнамент иньских бронзовых вещей чрезвычайно специфичен: наиболее характерно для него использование отдельных изображений глаз в качестве основных элементов рисунка, а также особая трактовка фигур животных в разрезанном на две половины (от морды к хвосту) и как бы в распластанном виде (Крил). В Западной Евразии аналогий иньскому орнаменту, повидимому, не встречается. Ближайшие параллели обнаруживаются исключительно среди народов «тихоокеанского круга»: в Океании и у индейцев северо-западного побережья Северной Америки ацтеков и майя.

Приведенных палеоэтнографических данных совершенно достаточно, чтобы вместе с Крилом и Масперо прийти к выводу о глубокой древности и автохтонности китайского народа и китайской культуры в плодородной долине Хуанхэ, а также о существовании в северо-восточных провинциях (Шаньдун — Хэнань) одного из основных мировых очагов

⁵⁹ J. G. Andersson. Der Weg über die Steppen, Bull. Mus. Far East. Antiquities, 1, 1929, pp. 152—153.

развития цивилизации, оказывавшего уже во II тысячелетии до н. э. мощное влияние на страны, примыкавшие к Тихому океану. Создатели высокой и яркой культуры иньской эпохи были не только кровными потомками неолитических насельников «великой страны лесса» и предками современных северных китайцев, но и этнокультурными преемниками первых и предшественниками вторых. Непрерывность развития китайской цивилизации, выросшей из местных корней, также вытекает из археологических материалов, как аборигенная эволюция дальневосточных монголоидов следует из данных этнической антропологии Китая и соседних с ним стран. В этом главный итог комплексного анализа центральной проблемы китайского этногенеза.

8. Древнейшие расы и народы на юге

Автохтонность, однако, нельзя смешивать с изолированностью, аборигенное развитие — с расовой «чистотой» и обособленностью. Отрицание массового переселения предков китайского народа в бассейн Хуанхэ откуда-то с запада или юга не означает принятия теории о формировании физического типа китайцев и их этнических особенностей вне связи и взаимодействия (как биологического, так и культурного) с соседними группами человечества, не только окружавшими потомков строителей городища Чэнцзыяй на всех этапах их истории, но и глубоко проникавшими в область их коренного расселения, вступавшими с ними в самые тесные, «интимные» отношения. Красной нитью проходит через всю историю Срединного государства непрерывная борьба с различными «варварскими» (в представлении китайских источников) племенами, одни из которых оказывали постоянное давление на Китай вдоль его северных и западных рубежей, нередко подчиняя себе всю страну, другие же, напротив, постепенно отступали к югу или ассимилировались китайцами в процессе их колонизационного движения в бассейн Янцзыцзяна, а затем и дальше — к берегам Южнокитайского моря и к границам Тонкина, Аннама и Бирмы. Перманентные скрещения северных и южных расовых типов, этнических групп, культурных элементов и языковых комплексов должны были быть неизбежным следствием этих миграций, которые в сильнейшей степени стимулировали как антропологическую метисацию, так и историческую аккумуляцию.

Расовый состав современного населения Китая, как мы видели, отражает последовательные исторические наслоения различных компонентов «северного» и «южного» тяготения. Первая группа типов связывает китайцев с их северными и западными соседями: корейцами, манчжурами, народами Приамурья, тибетцами и, может быть, бирманцами. Как антропологически, так и географически все перечисленные этно-языковые группы оказываются промежуточными между расами Северной и Центральной Азии, с одной стороны, Юго-Восточной Азии и Океании — с другой стороны. Вторая группа расовых компонентов китайского народа указывает на его тесное взаимодействие с племенами таи, мон-хмеров («аустроазиатов») и малае-полинезийцев («аустронезийцев»). С этногенезом этих народов связывается проблема формирования южных монголоидов и «австралоидов».

Когда началось смешение основных расовых комплексов «северного» и «южного» тяготения? — таков первый вопрос, на который необходимо ответить, приступая к изучению их истории китайцев. Палеоантропологические материалы, как мы знаем, позволяют предположить, что северные комплексы (чжилыйский и манчжурский) сложились на основе восточномонголоидных расовариантов, преобладавших среди племен бассейна Хуанхэ уже в III—II тысячелетиях до н. э. О комплексах южного происхождения (южноазиатском и индонезийском) наши сведения менее определены. На территории Китая ранних представителей этих типов до настоящего времени не обнаружено. Они имеются, однако, в

соседних с Китаем странах Юго-Восточной Азии. Так, например, некоторыми «монголоидными» чертами обладает протонеолитический (мезолитический) женский череп из Там-пона, относимый Фромаже и Сореном к V—III тысячелетиям до н. э. Череп этот мезокранный (ук. 77.2), очень высокий (138 мм); лицо у него для женщины широкое (136.5), длинное (73.5 мм), повидимому, уплощенное, нос хамэринный (инд. 60.1), слабо выступающий, с низким переносьем, предносовые ямки резко выражены, собаки ямки, напротив, развиты слабо, верхняя губа высокая, имеется небольшой альвеолярный прогнатизм, нижняя челюсть массивная и широкая. Возможно, что перед нами представитель одного из древних южных вариантов *Homo sapiens asiaticus*. К тампонской женщине морфологически близки также отдельные черепа из индо-китайских неолитических стоянок в Минх-каме и Там-хане, описанные Паттом, Фромаже и Сореном⁶⁰.

К раннему «австралоидному» пласту обычно относят два черепа из Вадьяка на Яве, плохо датированные, но, вероятно, относящиеся к какому-то древнему периоду (Тейяр де Шарден). По описанию Дюбуа, вадьякские черепа долихокранны, очень массивны, лоб у них сильно наклонный, надбровье резко выражено, лицо невысокое, довольно широкое, но не плоское, нос хамэринный, собаки ямки мало развиты, прогнатизм очень отчетлив⁶¹. «Вадьякцы» многими особенностями напоминают неолитические черепа из пещеры Фо-бин-жиа, в Тонкине, найденные Мансю и детально описанные Верно. Наилучше сохранившийся мужской череп № I отличается большими абсолютными размерами и массивностью. Длина его очень велика (196 мм), ширина незначительна (144 мм), лоб покатый, лицо низкое (68 мм), зуриэнное (инд. 49,6), скулы не выступают, нос мезоринный (49,0), верхняя челюсть прогнатна. Не исключена возможность присутствия «австралоидных» (древнеиндонезийских) элементов также среди черепов из раннеолитических стоянок Дон-тюок и Лан-кюом, расположенных примерно в 100 км от берега Тонкинского залива. Мансю и Колани характеризуют эти черепа как крайне долихокранные, очень узкие (стеноидные), высокие, с небольшими абсолютными размерами лица, относительно широким носом, резким альвеолярным прогнатизмом. Фромаже и Сорен специально указывают на «австралоидность» двух неолитических тонкинских черепов⁶².

Таким образом, весьма вероятно, что уже в эпоху неолита (а может быть, и еще раньше) в Юго-Восточной Азии происходило взаимодействие и смешение южномонголоидных и веддо-индонезийских расовых вариантов. В качестве предварительной рабочей гипотезы можно высказать предположение, что южные монголоиды первоначально локализовались в более северных районах Индо-Китая, в то время как «австралоиды» сосредоточивались преимущественно на юге. Входил ли Южный и Центральный Китай в зону контакта обеих рас, мы не знаем. Существуют, однако, некоторые косвенные соображения, которые позволяют

⁶⁰ J. Fromaget et E. Saurin, Note préliminaire sur les formations cénozoïques et plus récents de la chaîne Annamitique septentrionale..., Bull. d. Service géolog. d. l'Indochine, XXII, fasc. 3, 1936, pp. 1—48; E. Patte, Note sur le préhistoire Indochinois, III, Etude anthropologique du crâne néolithique de Minh-Cam (Annam), ibid., XIII, 1925, pp. 1—27; он же, l'Indochine préhistorique «Rev. anthrop.», XLVI, 1936, pp. 277—314.

⁶¹ P. Teilhard de Chardin, Notes sur la paléontologie humaine en Asie Meridionale, «Anthropologie», XLVII, 1937, pp. 23—33; E. Dubois, The proto-australian fossil man of Wadjak, Java, Koninkl. Akad. v. Vetensch., Proc. of the Sect. of Sciences, XXIII, 2, 1922, No. 7.

⁶² R. Verneau, Les crânes humains du gisement préhistorique du Pho-Binh-Gia (Tonkin), «Anthropologie», XX, 1909, pp. 546—559; H. Mansuy et M. Colani, Contribution à la préhistoire de l'Indochine, VII, Crânes de gisement de Lang-Cuom, Mém. d. Serv. géolog. d. L'Indochine, XII, 1925, pp. 1—47; Fromaget et Saurin, op. cit., pp. 44—45.

предполагать, что вся территория Китая к югу от хребта Циньлин в прошлом была областью преобладания комплексов «южного тяготения». Не исключена возможность, что южноазиатский расовый комплекс даже формировался на этой территории и именно отсюда распространился в более позднее время на юг — в Индо-Китай и Индонезию.

Географически Южный, а отчасти и Центральный Китай тесно связан с Юго-Восточной Азией. Горные цепи рассматриваемой территории представляют собой, в сущности говоря, северо-восточные отроги хребтов, которые в форме грандиозного веера расходятся от восточногомалайского орографического узла и заполняют также большую часть Бирмы, Таи и Индо-Китая. Климат Южного Китая влажный, субтропический, более сходный с климатом соседних районов Тонкина и Аннама, чем с северокаитайским (сухим и прохладным). Густая речная сеть древнего происхождения также сближает области к югу от Циньлина с обильно орошаемыми странами азиатского Юго-Востока. Флора Китая относится к двум фитогеографическим областям: бореальной, охватывающей весь север страны, и палеотропической, включающей Юньнань, южную Сычуань и побережье Южнокитайского моря. Между обеими зонами в бассейне Янцзыцзяна расположен широкий переходной пояс (Бекстон⁶³). В древности (II—I тысячелетия до н. э.) территория всех южных и средних провинций была занята девственными субтропическими лесами, насыщенными влагой и богатыми растительными и животными видами южного происхождения (Гандель-Мацетти, Герман, Мелл⁶⁴). В зоогеографическом отношении Китай также разделен между двумя областями: индо-малайской, охватывающей Индию с Цейлоном, Индо-Китай и западную часть Малайского архипелага, и голарктической, обнимающей большую часть суши северного полушария. На Дальнем Востоке граница между этими областями «проходит между бассейнами Хуанхэ и Янцзы и упирается в Тихий океан у устья последней реки, совпадая, таким образом, с северной границей субтропического леса» (Бобринский, Зенкевич и Бирштейн). Индо-малайские виды проникают, однако, и в Северный Китай, который составляет внутри Голарктики своего рода переходную зону к палеогейской суше⁶⁵.

Таким образом, условия географической среды, игравшие существенную роль в процессах расо- а отчасти и этногенеза, сближают всю южную половину Китая с субтропическим и тропическим индоокеанским миром. Горные цепи, отделяющие сухую ровную страну лёсса от влажных гористых ландшафтов бассейна Янцзы, являются в настоящее время и, тем более, являлись в прошлом рубежами огромного естественно-исторического значения. Не меньшей была роль этих хребтов системы Циньлина и в качестве границ между северными и южными расогоническими и этногоническими ареалами.

Хотя неолитические культуры Южного Китая изучены еще сравнительно слабо, все же ясно, что они резко отличались от синхронных культур бассейна Хуанхэ. К югу от Циньлина в период новокаменного века обитали племена, занимавшиеся рыболовством и примитивным мотыжным земледелием лесного тропического типа, связанного с возделыванием корнеплодов (особенно ямса). Жилищем этих племен были, повидимому, свайные постройки, основным средством передвижения — длинные долбленые лодки. Грубо выделанная глиняная посуда была со-

⁶³ Buxton, op. cit., 1929, pp. 1—39.

⁶⁴ H. Handel-Mazzetti, Die pflanzengeographische Gliederung und Stellung Chinas, «Botanisch. Jahrbuch», LXIV, 1931, S. 309—323; A. Hermann, Historical and Commercial Atlas of China, Camb., Mass., 1935, карта 1; он же, Das geographische Bild Chinas im Altertum, Sinica-Sonderausgabe, Forke-Festschr., 1937, S. 72—87; R. Mell, Die ehemalige Waldverbreitung in China auf Grund der Verbreitung von Waldtieren, «Ztschr. d. Gesellsch. f. Erdkunde», 1933, S. 101—108.

⁶⁵ Н. А. Бобринский, Л. А. Зенкевич и Я. А. Бирштейн, География животных, М., 1946, стр. 295 и 304.

вершенно гладкой, лишенной орнамента, характерного для северной неолитической керамики. По всем перечисленным особенностям южно-китайский неолит обнаруживает огромное сходство с одновременными культурами Индо-Китая, Малайи, Индонезии и Филиппин (Бишоп). По данным Гейне-Гельдерна, в Южном Китае в неолитическое время были распространены также различные формы шлифованных каменных топоров, характерные для всего Юго-Востока Азии, но почти не встречающиеся в других частях эйкумены. Своеобразные топоры с «плечиками» на верхней половине клинка («Schulterbeile» по терминологии Гейне-Гельдерна) локализовались у берегов Южнокитайского моря в провинциях Гуанси, Гуандун и Фуцзянь; за пределами Китая они бытовали во II тысячелетии до н. э. в центре и на востоке Индии, во всем Индо-Китае за исключением крайнего юга Малакки, на Филиппинах, Формозе, во всей Японии (включая Хоккайдо) и на северо-востоке Кореи. Другая форма топоров — прямоугольных в поперечном сечении («Vierkantbeile») — для той же эпохи отмечена в отдельных пунктах Северо-Восточной Индии, Ассама, Бирмы, Лаоса, Комбоджи, Аннама и Тонкина, почти повсеместно на Малакке, в Индонезии и Полинезии, опять-таки на Филиппинских островах и Формозе, в Японии и Корее, в окрестностях Владивостока (Монтандон), в центральной части бассейна Янцзы (в большом количестве) и в стоянках культуры Яншао в Северном Китае⁶⁶. Специфичность рассматриваемых форм и определенность географических границ их распространения наводят на мысль о их связи с определенными этническими группами древнейшего населения Юго-Восточной Азии, очевидно уже смешивавшимися друг с другом в неолитическое время.

Сам Гейне-Гельдерн высказал предположение о принадлежности «культуры топора с плечиками» мон-хмерским или аустро-азиатским народам, которые в прошлом занимали гораздо большую территорию, чем в настоящее время, и достигали внутреннего Китая, где их остатками в наши дни являются племена миао и яо, говорящие на особых диалектах, место которых в системе дальневосточных языков еще не вполне определено, хотя многие исследователи считают несомненным наличие в них древнего аустроазиатского пласта. Отгалкиваясь от построений Гейне-Гельдерна, Эйкштедт выдвинул гипотезу о связи мон-хмерских носителей культуры «Schulterbeile» с «палеомонголоидной расой», т. е. с южными монголоидами⁶⁷. Взгляды Эйкштедта, однако, не выдерживают серьезной научной критики, так как наиболее изолированные мон-хмерские племена Индо-Китая (мои, палаун, ва и др.) характеризуются вовсе не южномонголоидными, а скорее веддо-индонезийскими чертами, представители же южных вариантов *Homo sapiens asiaticus* в огромном количестве концентрируются в районах, где ни в настоящем, ни в прошлом нет и не было аустроазиатских народов (напр., в Индонезии). Тот же Гейне-Гельдерн, на работах которого основывается Эйкштедт, полемизируя с Шмидтом, показал в одной из своих статей, что не может быть и речи о существовании особой «аустроазиатской расы», настолько пестро распределение «веддоидных» и «монголоидных» особенностей среди мон-хмерских, тибето-бирманских и тай-китайских народностей Индо-Китая, Бирмы и Ассама⁶⁸. Очевидно, мон-хмерские языки формировались на юго-востоке Азии в то время, когда население рассматриваемой области в антропологическом отношении было уже смешанным, включающим как южноазиатские, так и веддо-индонезийские компоненты. Исторически иначе и не могло быть, так как взаимодействие расо-

⁶⁶ Bishop, op. cit., 1942, pp. 11—12; R. Heine-Geldern, *Urheimat und früheste Wanderungen der Austronesier*, «Anthropos», XXVII, 1932, pp. 543—619; G. Montandon, *L'Ologénèse culturelle*, Paris, 1934, p. 479.

⁶⁷ Eickstedt, op. cit., 1944, S. 288—311.

⁶⁸ Heine-Geldern, op. cit., 1920.

вых комплексов началось по крайней мере с мезолита, т. е. с того периода, когда мон-хмерские языки не могли еще существовать в качестве сложившейся лингвистической системы. Можно лишь предполагать, — сопоставляя археологические, антропологические и лингвистические данные, — что древнейший этнический пласт, вошедший в состав мон-хмеров и связывающий их, с одной стороны, с народами мунда и веддами Индии, с другой же стороны — с миао и яо, принадлежал неолитическим племенам, которые пользовались топорами «с плечиками» и обладали по преимуществу веддо-индонезийскими расовыми особенностями. Если антропологически эти племена относились к юго-западной ветви первобытного человечества, объединявшей предков европеоидов, негроидов и «австралоидов» (Рогинский), то лингвистически они должны были быть представителями «афреазийского», или «атлантиноокеанского», глоттогонического ареала формирования древних языков префиксирующего типа (Толстов)⁶⁹.

Известное участие в этногенезе мон-хмеров принимали, вероятно, также племенные группы южномонголоидного расового облика, связанные, с одной стороны, с предками народов таи, с другой же стороны — с древнейшими аустронезийцами. Этим группам могли принадлежать неолитические топоры четырехугольного сечения, бытовавшие в Восточной Азии и Океании на огромной территории от Японии до Явы и от низовьев Ганга до Полинезии (Гейне-Гельдерн). Лингвистически переходное положение мон-хмеров, являющихся по выражению Шмидта «промежуточным звеном между народами Центральной Азии и Аустронезии»⁷⁰, хорошо согласуется как с археологическими данными о переплетении в Индо-Китае культур четырехгранного топора и топора с плечиками, так и с антропологическими материалами о раннем смешении на этой территории южных монголоидов с веддо-индонезийцами.

Интересные соображения возникают также при сопоставлении антропологических, археологических и этнолингвистических данных по народам таи, игравшим выдающуюся роль в истории китайской культуры и в формировании самих китайцев. По своему расовому облику таи являются, как мы видели, характерными представителями южных вариантов *Homo sapiens asiaticus*, очень сходными, с одной стороны, с южными и центральными китайцами, с другой же — с аннамитами и хмерами Индо-Китая и малайцами Индонезии. С этими древними антропологическими связями поразительно совпадают и наиболее глубокие лингвистические параллели. Существование таи-китайской языковой группы общепризнано. Однако некоторые лингвисты отмечают, что наряду с близостью к китайскому наречия таи обнаруживают значительное сходство с мон-хмерскими и малае-полинезийскими языками (Конради, Пржилуский). Бенедикт в одной из своих последних работ на основании тщательного сравнительного анализа конструирует «прото-аустрийскую» группу языков, включающую, во-первых, мон-хмеров и аннамитов, во-вторых — миао-яо (положение которых еще не вполне ясно) и, в-третьих, таи, «индонезийцев» (в языковом смысле) и кадаи — небольшую серию переходных диалектов аборигенных племен Хайнаня (ли или дао) и китайско-тонкинской пограничной зоны (келао, лаква и лати)⁷¹. Подчеркивая

⁶⁹ Рогинский, цит. соч., 1941, стр. 360—362; С. П. Толстов, Проблема происхождения индо-европейцев и современная этнография и этнографическая лингвистика, «Кр. сообщ.» Ин-та этнограф., I, 1946, стр. 3—13.

⁷⁰ W. Schmidt, Die Mon-Khmer-Völker, ein Bindeglied zwischen Völkern Zentralasiens und Austronesiens, Braunsch., 1906.

⁷¹ A. Conrady, Eine merkwürdige Beziehung zwischen den austrischen und den indo-chinesischen Sprachen, Aufsätze zur Sprach- und Kulturgeschichte vornehmlich des Orient zu E. Kuhns 70. Geburtstag, Breslau, 1916, S. 475—504; J. Przyluski, Le Sino-Tibétain — в кн.: A. Meillet et M. Cohen, Les langues du monde, P., 1924, pp. 363—384; P. K. Benedict, Thai, Kadai and Indonesian, «Amer. Anthropol.», XLIV, 1942, pp. 576—601.

особую близость языков таи, «индонезийцев» (включая малайцев) и кадаи, Бенедикт высказывает предположение, что зоной их первоначального формирования был Южный Китай. Отсюда индонезийская ветвь через Формозу проникла на Филиппинские острова и затем расселилась по всему Зондскому архипелагу, вторично достигнув азиатского материка на Малакке и в Южном Индо-Китае, в области расселения малаеязычных племен чам. Если гипотеза Бенедикта справедлива, весьма вероятно, что намечаемые им древние этнические передвижения связаны с расселением вышеупомянутых носителей «культуры четырехгранного топора», антропологически — южномонголоидных, лингвистически — протоаустронезийских».

Анализ древних китайских известий о «варварских» племенах юга показывает, что до начала массовой китайской колонизации, т. е. по крайней мере до циньского времени (конец III в. до н. э.), весь бассейн Янцзы был заселен различными аборигенными этническими группами, говорившими на диалектах, близких к современным языкам таи (Терье де Лякупри, Бонифаси, Масперо, Шмидт⁷²). Прямых данных об антропологическом составе этих древнейших насельников Центрального и Южного Китая в нашем распоряжении нет, но вряд ли можно сомневаться, что в массе они принадлежали к южным монголоидам, которые, вероятно, и сформировались в качестве особой расы именно здесь, во влажных субтропических лесах, широким поясом раскинувшихся между сухими плато Центральной Азии и тропическими джунглями Индо-Китая и Индонезии. Очаг формирования и позднейшего распространения южноазиатской расы, таким образом, эмпирически совпадает с зоной, в которой складывались древние племена, бывшие предками народов таи, кадаи и малае-полинезийцев. В свете этих допущений естественное объяснение получают и те поразительные этнографические параллели, которые прослеживаются между китайцами, таи и народами Океании. Яркими примерами таких параллелей могут служить древние традиции мотыжного земледелия, связанные с культурой ямса и других корнеплодов, свайные четырехугольные постройки с характерной «седловидной» двухскатной крышей, большие долбленые лодки, часто несущие на носу изображение дракона, в качестве основного транспортного средства, изготовление материи из коры (типа полинезийской тапы), набедряная повязка и женская одежда в виде саронга, своеобразная татуировка сложными спиральными и меандрическими узорами, жевание бетеля и чернение зубов, преобладание копья над луком, многие орнаментальные мотивы (в частности, уже упоминавшийся «глазной орнамент») некоторые элементы мифологии и т. д. (Гейне-Гельдерн Эберхард, Бишоп⁷³).

9. Пять тысячелетий этнорасовых скрещений

На какой территории и в какую эпоху происходило то грандиозное взаимодействие северных и южных рас, племен и языков, в результате которого сложился китайский народ? Имело ли место это взаимодействие только в период китайской колонизации к югу от Циньлинского хребта или оно началось гораздо раньше еще в бассейне Хуанхэ, когда

⁷² Terrien de Lacouperie, op. cit.; A. Bonifacy, Etudes sur les langues parlées par les populations de la Haute Rivière Claire, Bull. d. l'Ecole Française d'Extrême Orient, V. 1905, pp. 306—323; H. Maspero, Contribution à l'étude du système phonétique des langues Thai, ibid., XI, 1911, pp. 153—169; W. Schmidt, Die Sprachfamilien und Sprachenkreise der Erde, Heidelberg, 1926, S. 123—133.

⁷³ Heine-Geldern; op. cit., 1932; W. Eberhard, Early Chinese cultures and their development: a new working-hypothesis, Annual Rep. of the Board of Regents of the Smithsonian Inst., 1937, pp. 513—530; C. W. Bishop. Long-Houses and Dragon-Boats, «Antiquity», XII, 1938, pp. 411—424.

лишь закладывались основы китайской культуры и языка? Все имеющиеся в нашем распоряжении материалы различных географических и исторических наук свидетельствуют в пользу второго допущения.

Несмотря на глубоко местные корни неолитических и раннеметаллических культур Северного Китая, с самого древнего времени удается выделить в их составе элементы различного происхождения, связанные с одной стороны с северными, с другой же — с южными этническими группировками восточноазиатской части эйкумены. Культура обитателей более ранних неолитических стоянок бассейна Хуанхэ (датируемая IV тысячелетием до н. э.) носит, по справедливому замечанию Бишопа, определенно выраженный северный, «циркумпольярный» оттенок. К северным элементам китайской неолитической культуры должны быть отнесены вышеописанные круглые землянки «палеоазиатского типа», многочисленные каменные и костяные орудия, иногда очень сходные с древнеэскимосскими (в частности уже упоминавшиеся перфорированные четырехугольные или полулунные ножи), наконечники стрел и гарпунов, похожие на бытовавшие до недавнего времени на крайнем северо-востоке Азии, каменные и глиняные шары для пращи или пращового лука, следы употребления мехов и шкур в качестве одежды (Бишоп, Эберхард), грубая некрашенная плоскодонная посуда, поразительно напоминающая неолитическую керамику бассейна Амура (Окладников). В последующие эпохи все эти северные элементы не исчезают, но продолжают существовать еще очень долгое время (иногда до наших дней) наряду с предметами и техническими навыками иного происхождения. Крил отмечает циркумпольярные, в особенности же северо-восточноазиатские и североамериканские связи иньской культуры, указывая, кроме перечисленных аналогий, на такие общие явления, как употребление «усиленного» лука и глухой одежды с рукавами, обозначавшейся на оракульных костях пиктограммой , прототипом

позднейшего иероглифа («и»). Эберхард выделяет в древнем Китае особую «северную культуру», занимавшую во II тысячелетии до н. э. значительную зону в северо-восточных провинциях (Шаньдун, Хэбэй, юг Манчжурии). В этническом отношении Эберхард считает северную культуру «прототунгусской», но подчеркивает наличие в ней древнейшего «палеоазиатского» пласта⁷⁴.

Отождествление создателей северо-восточного (хэнань-шаньдунского) культурного очага с историческими тунгусами, или «палеоазиатскими», конечно, невозможно, но наличие здесь древнейших этнокультурных связей с Манчжурией и Амурским бассейном вряд ли может вызывать сомнения. Антропологические и археологические параллели подкрепляются в этом случае позднейшими историческими свидетельствами. Китайские летописцы различных эпох (ханьской, «времени северных и южных династий», суйской) описывали Амурсо-Уссурийский край под разными наименованиями: Сушэнь, Илоу, Уги, Мохэ. Обитатели этих земель, по свидетельству китайских историков, «обликом походят на фуюйцев (т. е. на племена Северной Кореи), но говорят отличным языком... Обитают по горам и лесам... Обыкновенно живут в ямах и чем глубже, тем почтеннее... Сбивают землю наподобие плотины и в ней выдалбливают пещеры для жилья (очевидно земляная или глинобитная техника, аналогичная чэнцзыяйской.— Н. Ч.)... Отверстие делают сверху, а спускаются и выходят по лестнице... Из домашнего

⁷⁴ Бишоп, *op. cit.*, 1933, pp. 392—397; Eberhard, *op. cit.*, pp. 516—517; А. П. Окладников, Неолитические памятники как источники по этнографии Сибири и Дальнего Востока, «Кр. сообщ.» Ин-та истор. матер. культ., IX, 1941, стр. 5—14; Steel, *op. cit.*, 1936, pp. 246—247.

скота более водят свиней (как в северо-китайском неолите.— Н. Ч.)... Земля более произращает просо и пшеницу... везде есть посуда» (Иакинф⁷⁵).

Описание это настолько точно воспроизводит почти все основные особенности неолитической культуры бассейна Хуанхэ, что не остается ни малейших сомнений в огромной этнокультурной близости древних насельников «страны лёсса» к потомкам их северных соседей, вероятно принадлежащим к манчжурской языковой группе. Наличие в надписях на иньских оракульных костях этнонима «чжурджень» также указывает на древние тесные связи племен Северо-Восточного Китая и Манчжурии (Эберхард⁷⁶). Очевидно, многие культурные черты, характерные для северо-восточной провинции китайского неолита, продолжали еще в течение нескольких тысячелетий (по крайней мере до VI—VII вв. н. э.) существовать в северных «периферических» районах дальневосточного этнокультурного ареала.

Наряду с северными особенностями в неолитических стоянках бассейна Желтой реки уже очень рано начинают выступать культурные элементы южного происхождения. К их числу относится прежде всего возделывание риса, проникшего в Китай в III тысячелетии до н. э. из стран Южной Азии, скорее всего из Индо-Китая (Комаров). С азиатским Югом связаны, вероятно, и древнейшие домашние животные Китая — собака и свинья, кости которых находят в неолитических местонахождениях, лишенных крашеной керамики (Бишоп, Богданов). Отпечатки тканей на сосудах указывают на изготовление носителями неолитической культуры Северного Китая материи из коры: традиция явно южного происхождения (Бишоп). С культурой Яншао, как уже упоминалось выше, связано появление в бассейне Хуанхэ каменных шлифованных топоров прямоугольного сечения, занесенных сюда, по всей вероятности, из областей, лежащих к югу от Циньлина, скорей всего из населенного предками таи бассейна Янцзы (Бишоп)⁷⁷.

Палеоантропологические материалы также наводят на мысль о присутствии в составе неолитического населения Северного Китая компонентов «южного тяготения». При всем сходстве древних черепов из стоянок периода Яншао с современными северокитайскими краниологическими сериями, между теми и другими наблюдаются и известные различия, которые трудно объяснить изменчивостью самого чилийского типа во времени. В сравнении с современными китайцами носители культуры Яншао обладали (при общем монголоидном облике) меньшими абсолютными размерами лица (особенно его высотой) и несколько более хамэринным носом (табл. 6). Аналогичные особенности характерны также для черепов V—II вв. до н. э. из Жэхэ, которые отличаются исключительной широконосостью и, кроме того, обнаруживают определенную тенденцию к прогнатизму (Мияке, Йосими и Намба). Самое простое и естественное объяснение этих различий заключается в допущении в древних краниологических сериях примеси южноазиатских, а может быть, и индонезийских, элементов, которые отличаются от восточных монголоидов как раз меньшей высотой лица, хамэриной и тенденцией к прогнатизму. В долину Хуанхэ комплексы южного тяготения могли без труда проникать из бассейна Янцзы, где, вероятно, они существовали с древнейших времен. Возможно, впрочем, объяснять «южные» черты черепов из стоянок Яншао тем, что в III тысячелетии до н. э. дифференциация восточных и южных монголоидов не была еще

⁷⁵ И а к и н ф (Бичурин), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, СПб., 1851, часть II, стр. 18—19, 82—84, 114—115.

⁷⁶ Eberhard, op. cit., p. 517.

⁷⁷ Комаров, цит. соч., стр. 64—65; Bishop, op. cit., 1933, pp. 394—397; Е. А. Богданов, Происхождение домашних животных, изд. 2-е, М., 1937, стр. 82, 208—213.

закончена и граница между ними, проходившая по Циньлину, не была резкой. Какую бы гипотезу ни принять, само наличие тесных антропологических связей между неолитическим населением Северного Китая и его южными соседями остается несомненным.

В иньскую эпоху насыщенность культуры китайского севера элементами южного происхождения резко усиливается. Безо всякого преувеличения можно утверждать, что жаркое и влажное дыхание Юга красной нитью проходило через всю хозяйственную, бытовую и даже ритуальную жизнь иньцев. Ни в какой другой период своей истории Китай не был так тесно связан в культурном отношении с народами Юго-Восточной Азии и Океании, как в рассматриваемое время.

Сама естественно-географическая обстановка способствовала установлению культурных связей с южными племенами и проникновению на север южных культурных элементов, а может быть и их носителей. Климат Северного Китая во II тысячелетии до н. э. был более теплым и влажным, чем в настоящее время или в начале неолита. Об этом красноречиво свидетельствует довольно широкое распространение в иньский период в бассейне Хуанхэ лесов с теплолюбивой растительностью, в частности зарослей бамбука, часто упоминаемого в надписях на оракульных костях и в древнейших памятниках китайской письменности (Герман, Бишоп). В фауне иньского времени доказано присутствие таких южных животных, как слон, носорог, тапир, буйвол (Бишоп, Хопкинс, Крил). Очень вероятно, что граница между голарктической и индо-малайской зоо-географическими областями в рассматриваемую эпоху проходила севернее, чем в наши дни, так что большая часть бассейна Желтой реки относилась ко второй области⁷⁸.

В сельском хозяйстве иньцев значительную роль играла культура риса, проникшего к ним с юга и в настоящее время мало распространенного в северных провинциях Китая (Бекстон, Гибсон, Крил). Есть указание на применение ирригации (упоминание о «водном рисе» на гадательных костях). Из иньских домашних животных явно связан с югом буйвол, разведение которого возможно только в условиях тепло-го и влажного климата. Напротив, крупный рогатый скот, овца и коза имеют, возможно, западное происхождение. Интересно, что иньцы (как и современные китайцы) не употребляли в пищу молока, напоминая в этом отношении другие народы Восточной и Юго-Восточной Азии (корейцев, японцев, индо-китайцев, малайцев) и резко отличаясь от более западных этнических групп (тибетцев, монгол, тюрков, индо-европейцев, семитов, хамитов, народов банту и т. д.), для которых характерно использование в первую очередь именно молочных продуктов (Лауфер). С восточноазиатским и океанйским кругом народов племена иньцев и их позднейших китайских потомков связывает также употребление в пищу собачьего мяса. От своих неолитических предков иньцы унаследовали разведение свиньи; в раскопках у Аньяна обнаружены кости двух видов этого животного (Бишоп, Гибсон, Крил). Первый вид, известный уже в неолите, по своему происхождению связан с западно-евразийскими и североафриканскими дикими свиньями отсыщающимися к подроду *Sus*. Второй вид, появляющийся только в иньское время, входит в группу «восточных свиней» (подрод *Striatosus*, по старой терминологии сборный «вид» — *Sus vittatus*), генетически связанных с «индийскими» дикими кабанами (Богданов). Из Южной или Юго-Восточной Азии (скорее всего из Индо-Китая) проникла в иньский Китай и домашняя птица (Бишоп)⁷⁹.

⁷⁸ Herrmann, op. cit., 1935, карта 1; Bishop, op. cit., 1942, pp. 4, 11, 17—18; L. C. Hopkins, The rescue of the Chinese Rhinoceros, "Journ. of Royal Asiatic Soc.", II, 1939, pp. 253—260; Creel, op. cit., 1936, pp. 75—76.

⁷⁹ Buxton, op. cit., 1929, pp. 84—87, 95 (карта 10); H. E. Gibson, Agriculture in China during the Shang Period..., «China Journ.», XXVI, 1937, pp. 301—309; он же, Domesticated animals of Shang and their sacrifice, «Journ. North. China Branch Roy-

Очень показательны данные о жилище иньской эпохи. Наряду с описанными выше круглыми землянками северного типа раскопки в Сяотуне обнаружили остатки длинных прямоугольных домов, стоявших на фундаменте из утрамбованной земли. Стены и крыша этих домов поддерживались рядами вертикальных столбов, установленными на крупных камнях или бронзовых дисках, врытых в землю (Крил). Пиктограммы на оракульных костях, изображающие фасад такого дома —

, показывают, что крыша иньских построек была двухскатной.

Свободное пространство между столбами стен заполнялось каким-то материалом: деревом или, может быть, утрамбованной глиной; изготовление кирпичей еще не было известно (Крил). Таким образом, каркасные иньские дома оказываются чрезвычайно сходными с современным жилищем крестьян Центрального, а отчасти и Северного Китая. Ближайшие конструктивные аналогии этим домам находим у народов тихоокеанского круга, в особенности в Юго-Восточной Азии, Индонезии и Океании. Создается впечатление, что в иньское время прямоугольные «столбовые» дома с двухскатной крышей, имеющие, вероятно, южное происхождение, постепенно вытесняют архаичные «северные» землянки⁸⁰.

Сопоставление результатов археологических раскопок с надписями на гадательных костях показывает, что целый ряд культурных параллелей между китайцами, с одной стороны, народами Юго-Восточной Азии и Океании, с другой стороны, не только уже существовал в иньское время, но тогда именно достигал своего кульминационного развития. Кроме упомянутых выше поразительных аналогий в некоторых технических приемах, бытовых навыках и орнаментальных деталях, сюда должны быть отнесены такие явления, как широкое распространение у иньцев раковин каури, может быть уже игравших роль единиц обмена (Бишоп), или бытование распашной одежды типа кимоно, характерной для большинства восточноазиатских народов. Эберхард, подчеркивая насыщенность иньской культуры южными элементами, выделяет в древнейшем Китае (2500—500 лет до н. э.) два основных этнических пласта южного происхождения: собственно «южный», континентальный, связанный с народами таи в центральной части бассейна Янцзы, и «береговой», проникавший на север до Шаньдуна вместе с распространением упоминаемых китайскими источниками племен юэ, бывших в языковом отношении древними индонезийцами. Далекое не всё в построениях Эберхарда является убедительным: мало обоснованы, в частности, его попытки связать с выделенными «культурами» определенные формы семейно-родовых и общественных отношений (матриархат, патриархат, левират, появление женщин-вождей и пр.), а также религиозных представлений (тотемизм, культы плодородия, различные виды жертвоприношений и др.). Однако сложное, скрещенное происхождение иньской культуры (как и всех последующих цивилизаций Китая) подмечено, безо всякого сомнения, верно. Интересны также данные о наличии на гадательных костях названий родов, позднее упоминаемых в княжестве Чу, население которого этнически принадлежало к группе племен таи⁸¹.

Очевидно, формирование китайского народа происходило на основе консолидации ряда автохтонных, но антропологически, этнически и культурно неоднородных племен, тесно связанных с их северными и южными соседями. В неолитический период в бассейне Хуанхэ преоб-

⁸⁰ *Asiat. Soc.*, LXIX, 1938; Creel, *op. cit.*, 1936, pp. 75—78, 80—86; B. Lauffer, Some fundamental ideas of Chinese culture, *Journ. Race Development*, V, 1914, pp. 160—174; Bishop, *op. cit.*, 1942, pp. 17—18; Богданов, *цит. соч.*, стр. 208—213.

⁸⁰ Creel, *op. cit.*, 1936, pp. 61—64.

⁸¹ Bishop, *op. cit.*, 1942; Eberhard, *op. cit.*, pp. 516—525.

ладали племена «северного тяготения», имевшие этногенетически корни, общие с древним населением Тибета, Манчжурии и Приамурья, отчасти также Кореи и Восточной Монголии. Во втором тысячелетии до н. э. племена эти, достигшие наивысшего развития в северо-восточных провинциях (городище Чэнцзыяй), испытывают мощное культурное влияние со стороны этнических групп бассейна Янцзы — предков таи, а может быть и «индонезийцев». Очень вероятно, что имело место не только культурное влияние, но и реальное передвижение к северу южных племен, происходившее двумя основными путями: через легко доступные перевалы Циньлина и вдоль морского побережья. Частые военные походы иньских «царей» в долину Янцзы несомненно также способствовали проникновению на север южных культурных элементов (Бишоп). Позднее — в чжоусский период — большую культурную и политическую роль в истории Китая играло расположенное в бассейне Янцзы могучее княжество Чу, которое считалось «полуварварским» (Масперо). Язык большинства населения этого княжества был сходным с современными языками таи; очень вероятно, впрочем, присутствие здесь также племен, бывших предками миао и говоривших на древнейших «аустроазиатских» (мон-хмерских) диалектах (Эркес)⁸².

О скрещенном происхождении китайцев и их этногенетических связях с одной стороны с тибетцами, манчжурами и корейцами, с другой же — с таи, мон-хмерами и малае-полинезийцами, говорят и лингвистические данные. Еще Тромбетти считал, что тибето-китайские языки сложились в результате взаимодействия древнеалтайских (но не урало-алтайских) наречий с языком, близким к современным монхмерским. Позднее на эту же точку зрения стал Шмидт. В последней работе С. П. Толстова сделана интересная попытка связать данные о скрещенном происхождении китайского языка с концепцией о существовании двух древнейших географических групп языков: «юго-западной» (афревроазиатской) — преимущественно префиксирующей — и «северо-восточной» (амеразийской или тихоокеанской) — преимущественно суффиксирующей⁸³. Если принять построение Толстова, становится очень вероятным, что в древнем населении Китая первая группа языков была представлена прото-монхмерскими племенами, предками современных миао и яо, антропологически состоявшими из компонентов южного тяготения, в первую очередь — из веддо-индонезийских элементов. Ко второй языковой группе относились неолитические насельники «страны лёсса», лингвистически близкие к «протоалтайским» племенам, вошедшим в качестве древнего пласта в состав манчжур, а может быть, и корейцев. По своему расовому облику насельники эти принадлежали к типам северного тяготения, т. е. к ранним вариантам дальневосточной расы, давшим начало чилийскому и манчжурскому комплексам. Промежуточное положение между двумя указанными основными антропологическими и этноязыковыми группами населения древнего Китая занимали племена бассейна Янцзы, говорившие на различных диалектах, которые в дальнейшем стали субстратом формирования языков таи и, если прав Бенедикт, близких к ним малае-полинезийских. Антропологически эти общие предки таи-кадаи-индонезийской группы не были однородными, но состояли, как и древние мон-хмеры («аустроазиаты») из различных компонентов южного тяготения, с вероятным, однако, преобладанием южнотибетоидных расовых вариантов, предшественников современной южноазиатской расы.

Таким образом, хотя наиболее древние антропологические и этно-

⁸² Bishop, op. cit., 1942, p. 19; Maspero, op. cit., 1927, pp. 292—294; E. Erkes. Die Sprache des alten Ch'u, T'oung Pao, XXVII, 1930, S. 1—11.

⁸³ A. Trombetti, Elementi di glottologia, Bologna, 1922, pp. 153—167, 453—478; Schmidt, op. cit., 1926, S. 524; Толстов, цит. соч., стр. 7.

лингвистические группировки населения Восточной Азии, доступные для нашего изучения, уже не совпадали друг с другом, но все же некоторое соответствие между ними существовало, так как и расовые типы, и культурные комплексы, и наречия формировались на основе одних и тех же первобытных племен, в неолитическую эпоху обитавших на территории современного Китая и соседних с ним стран между центрально-азиатскими горными узлами и Тихим океаном. С течением времени это неполное совпадение становилось все менее заметным вследствие резкого несоответствия темпов расо- и этногенеза. Однако и в наши дни удастся путем ретроспективного анализа уловить основные контуры расо- и этногонических ареалов, некогда существовавших на Дальнем Востоке. Южный ареал простиравшийся (в пределах Китая) от Циньлина до Южнокитайского моря, был зоной скрещения южных монголоидов с «австралоидами» индонезийского облика, таи (и, возможно, «аустронезийцев») с мон-хмерами. Здесь находился вероятный очаг формирования южноазиатской расы и ее последующего распространения на острова Индонезии и Полинезии. Северный ареал занимал своей центральной частью бассейн Хуанхэ; на западе он простирался до Тибета, на северо-востоке охватывал Манжурию, Приамурье и Корею. В пределах этого ареала формировались восточные монголоиды, представляющие собой среднюю ветвь того подразделения монголоидной большой расы, северное ответвление которого уже в неолите достигло берегов Берингова моря, дав начало арктической («эскимойдной») группе вариантов, а южное ответвление представляло собой не что иное, как только что упоминавшуюся южноазиатскую расу, занявшую обширные пространства к югу от Циньлина. С этногенетической точки зрения для северного ареала характерно становление тибето-китайских языков в результате взаимодействия племенных групп, близких к таи и мон-хмерам, с одной стороны, к манчурам и корейцам — с другой стороны. О возможных, очень древних, манчжуро-китайско-корейских связях пишут в своих новейших работах некоторые советские этнографы и лингвисты. Так, Г. М. Василевич, останавливаясь на вопросе о формировании основ тунгусо-манчжурской языковой группы, выделяет в ее составе несколько последовательных пластов, среди которых для нас особенно интересны «алтайский» и собственно «тунгусо-манчжурский». Последний пласт в свою очередь делится на два слоя: один — общий для всех языков тунгусо-манчжурской группы, другой — общий для всех языков без манчжурского. Переходя далее к проблеме происхождения «манчжурских» языков Приамурья и Приморья, Василевич подчеркивает, что «развились эти языки в различные периоды в результате взаимодействия диалектов эвенкийского, манчжурского языков и языков приморско-приамурских охотников и рыболовов, а также в некотором взаимодействии с диалектами корейского и китайского языков»⁸⁴. Не идет ли здесь речь о древнем глоттогоническом (а также этно и расогоническом) ареале, который простирался в III — II тысячелетиях до н. э. от берегов Амура через Манжурию и Северный Китай до восточных рубежей Тибета? Ведь именно на этой территории должно было иметь место скрещение племенных диалектов, связанных с одной стороны с Центральной, с другой же стороны — с Юго-Восточной Азией. Конечным результатом этих скрещений в бассейне Хуанхэ и было, вероятно, становление древнего китайского языка, как итогом взаимодействия северных и южных культур было развитие великой китайской цивилизации, а следствием метисации расовых комплексов северного и южного тяготения — формирование антропологического состава китайского народа.

⁸⁴ Г. М. Василевич, Материалы языка к проблеме этногенеза тунгусов, «Кр. сообщ.», Ин-та этнограф., I, 1946, стр. 46—50.